

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Владислав МОРОЗОВ

ОХОТНИК НА ШПИОНОВ

Военно-историческая фантастика

Владислав Морозов

Охотник на шпионов

«Махров»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Морозов В. Ю.

Охотник на шпионов / В. Ю. Морозов — «Махров»,
2021 — (Военно-историческая фантастика)

Четвертая книга цикла, начатого романами «Охотник на вундерваффе», «Охотник на попаданцев» и «Охота на охотника». Новое задание для Андрея Черникова, нашего современника, попавшего в середину прошлого века: отправиться в январь 1940 года, туда где «за рекой Сестрою фронт в снегах по пояс», чтобы спасти на этой «незнаменитой» войне вроде бы незначительного человека, обычного молодого красноармейца. И только кураторы Черникова из далекого «несветлого» будущего знают, какую пользу принесет простой советский парень, если станет великим ученым. «Командировка в прошлое» должна быть недолгой – всего-то четверо суток. Однако этого времени Андрею вполне хватит не только на выполнение основной задачи, но и на то, чтобы невзначай спутать карты тем, кто собирался превратить советско-финскую «Зимнюю войну» в нечто большее.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Морозов В. Ю., 2021
© Махров, 2021

Содержание

Нечто вроде пролога	7
День 1	19
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Владислав Морозов

Охотник на шпионов

© Морозов В.Ю., 2021

© ООО «Издательство «Яуза», 2021

© ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Владислав Морозов

**ОХОТНИК
НА ШПИОНОВ**

Все описанные ниже события вымышлены, любое сходство с реальностью носит исключительно случайный характер.

Нечто вроде пролога

Поднимайся народ, собирайся в поход. Снова

«Никогда такого не было, и вот – опять!»
Приписывается В. Черномырдину

Россия. Урал. Окрестности г. Краснобельска. Ночь с 12 на 13 августа 20... года.

На дворе тихо и не спеша угасало лето. Наше довольно странноватое уральское лето, где недели удушливой жары причудливо, непредсказуемо и неравномерно чередуются с неделями дождливой холодрыги. Причем эта самая холодина у нас обычно вполне буднично сочетается еще и с «плановыми отключениями горячего водоснабжения». Оно, конечно, понятно – все люди, все человеки, у всех отпуска, рабочий день и график, и все хотят заварить и закопать ветхие трубы теплотрасс и прочего водо-тепло-говнохозяйства до официального начала отопительного сезона. Но, тем не менее, русский человек, которого в какой-то момент лишают горячей воды, начинает прямо-таки генетически чувствовать себя поиметым и обманутым, даже если его и предупредили об отключении за неделю, не меньше. Я тут не исключение, хотя нам-то (в смысле, не мне лично, а микрорайону) вожденную горячую воду вернули ровно три дня назад. Теперь оставалось только дожидаться очередного акта «марлезонского балета» – пока окончательно закопают кое-как засыпанные канавы и восстановят (хотя бы частично) порушенный асфальт. И не факт, что все это будет сделано быстро – асфальтом и канавами у нас нынче ведают разные ведомства.

Осадочек от более чем странноватого апрельского путешествия в не слишком-то любимый мной 1944 год мало-помалу рассеялся, полученная тогда простуда прошла, трофеи «похода» были благополучно реализованы, глупые мысли об использовании в личных целях пресловутых спасательных порталов перестали посещать мою голову, и жизнь вроде бы была вполне себе хороша. В общем, в приятный, но жарковатый (как раз вне графика приполз со стороны Казахстана очередной южный антициклон) августовский вечер я в одних трусах сидел перед монитором (а чем еще заняться в отпуске человеку без жены и детей, у которого вдобавок не было и нет решительно никаких планов на этот самый отпуск?) и от не фиг делать просматривал материалы с некоего, донельзя весело проименованного «Умереть Красиво» сайта, за который я чисто случайно зацепился взглядом.

Вопреки смертоубийственному названию, данный сайт вовсе не был сетевым ресурсом каких-нибудь дуэлянтов или конченных суицидников, а всего лишь крайне причудливо совмещал функции фан-клуба и литературной лаборатории для имеющих клавиатуру и десять пальцев на руках непризнанных гениев, а также просто балбесов с пламенной страстью к «миру после конца света», то есть, как принято выражаться нынче, постапокалипсису. Судя по тамошнему форуму откровенные чудаки на букву «м» на данном сайте были щедро сдобрены мрачными злопыхателями, которые, как обычно, очень хотели нынешней «неправильной» России гибели, разложения и полного ничтожества. Судя по их высокопарным замечаниям, все они только и ждали, к примеру, «интересного» момента, когда военнослужащие наших РВСН перестанут получать зарплату и начнут толкать мегатонные боеголовки направо и налево. И на том же форуме не нашлось ни одного умного, кто хотя бы намекнул им на то, что с подобными, с позволения сказать, «ожиданиями» они запоздали минимум лет на тридцать, а на дворе сейчас отнюдь не 1995-й. Да и в середине 1990-х наши военные, помнится, как-то не очень кинулись распродавать ядерное оружие, если, разумеется, не брать в расчет то, что показывали по этому поводу в западных фильмах.

Прочитал в литературном разделе форума крайне смешной рассказ некоего прыщавого автора, тупой, но гордый герой которого лазил (как можно было понять из текста, более всего боясь испачкаться) среди заснеженных радиоактивных руин и легко находил там и сям ништяки в виде съестных припасов (разные там варенья, соленья и даже банку засахарившегося меда). И эти его поиски были столь успешны лишь потому, что некие приходившие в эти мертвые дома и квартиры до него мародеры почему-то поленились слазить на шестой этаж (вот тут милосердный боженька или судьба-злодейка явно дали сбой, оставив в живых после атомной войны исключительно отборных недотеп и обалдуев, думающих, что консервы и автоматные патроны растут на деревьях), я дошел до комментариев к сему литературному произведению и, прочитав сначала отзыв «Мы хотим срать! Напугай хотя бы себя, а мы твой страх разделим и понесем в массы, крича от страха!», а затем «Это мелкая диверсия против русского языка, такая же, пусть и более мелкая, из тех, какие совершали Плешивый, Алкоголик и Любитель целовать маленьких мальчиков в животик, против которых вы тут якобы выступаете!!!», ощутил поистине древнерусскую тоску и понял, что на сегодня с меня столь «высокой прозы», пожалуй, хватит. Все-таки я не настолько махровый интеллектуал.

Вырубить комп и воткнуть глаза в телик? А чего там смотреть, кроме перманентной и уже надоевшей всем ругачки представителей «патриотической общественности» с одними и теми же доморощенными и импортными нацистами (которые, надувая щеки, считают себя вовсе не таковыми, а, даже наоборот, «опорой мировой свободы и демократии»)? Поглядеть для разнообразия какой-нибудь этап танкового биатлона? Это тоже был не вариант, тем более что в темных дебрях многочисленных телеканалов иногда можно невзначай нарваться и на довольно интересные моментики, вроде произнесенной как-то сгоряча и явно без всяких задних мыслей Господином, Который Возомнил Себя Главным Российским Режиссером, фразочки о том, что Вторая мировая – это, дескать, «самая страшная на ДАННЫЙ МОМЕНТ война». Вот ведь, вроде дурак дураком, а вдруг взял, да и ляпнул чистую правду, поскольку кто-кто, а уж я-то теперь наверняка знаю, что за Второй будут еще и Третья и Четвертая.

В общем, лучшее, что я мог придумать этим вечером, – поужинать чем бог послал, а потом «по обстановке».

И я уже потянулся отключать комп, но вдруг понял, что в комнате что-то изменилось. Похоже, дома я больше был не один. А кто был способен на подобные шуточки, я хорошо знал.

– Добрый вечер! – сказал знакомый насмешливый голос.

Я обернулся. Ну да, точно, она, Блондинка. Сидит слева от меня в кресле и смотрит своим оценивающе-прицеливающимся взглядом. Знойная женщина, прямо как оптика снайперской волюны, глянет один раз – и ты труп. Точнее сказать, судя по ряду признаков (к примеру, кресло под ней совершенно не промялось, да и говорила эта мамзель, практически не открывая рта), это опять была ее голограмма. Появление данной персоны, в любом виде, ничего хорошего не сулило, и мне впору было скулить и вилять хвостом, словно той Му-му при виде Герасима. Правда, вместо этого я автоматически потянулся за висящей на спинке стула не очень свежей майкой. Почему-то сработал инстинкт имперского служаки, которому запахло беседовать с начальством с голым торсом. Прямо-таки захотелось застегнуться на все пуговицы и встать по стойке «смирно», как во времена императора Павла I.

Ну а пока я просовывал голову в ворот майки, повисла некоторая пауза. И здесь, немного приглядевшись, я невольно обратил внимание на то, что сегодня голографическая гостья была почему-то одета точь в точь как героиня практически забытой ныне американской актрисы Келли МакГиллис в старом боевичке с авиационным уклоном «Топ Ган». Ну точно – черные туфли на шпильке, темные чулки, узкая темная юбка выше колен, белая блузочка с вызывающе расстегнутыми верхними пуговками воротника и короткая кожаная курточка с подвернутыми выше локтей рукавами, золотистым военно-морским ореликом на левой стороне груди и какими-то цветными нашивками на рукавах. Даже часики на ее руке были похожи на те,

что были в фильме, – на тонком золотистом браслетике. Да и прическа, в общем, совпадала – слегка выющиеся светлые волосы до плеч.

Спрашивается, и с чего бы это вдруг? Подсознательное напоминание персонально мне о несбывшихся мечтах безоблачной юности? Дескать, вспомню, о чем речь, расчувствуюсь и потеку? Ну, как говорится, не факт.

Хотя, черт его знает – тут и не хочешь, а вспомнишь. Конечно, мы в СССР смотрели это кино не в 1986-м, когда «Топ Ган» вышел в прокат у них там, а, минимум года на три позже, году этак в 1989-м, когда размножились как грибы кооперативные видеосалоны, где за рубль можно было посмотреть на мутном телеэкране скверную копию какого-нибудь западного кино. И, помнится, словосочетание «Топ Ган» видеосалонщики от большого ума и избытка грамотности тогда переводили и как «Большая пушка», и как «Лучший ас», и как «Лучший стрелок», и как «Лучший из лучших». Ну и, таки да, в те невозвратные времена от этого фильма многих буквально колбасило и плющило, там же в каждой сцене сплошная милота и розовые сопли. Половозрелых девочек привлекали, например, юные, модно постриженные. Том Круз и Вэл Килмер, которые там перманентно понтуются, носят байкерские кожанки, зеркальные очки, гоняют на больших мотоциклах и еще постоянно, по поводу и без повода, светят голым торсом, в душе или играя в пляжный волейбол. А кроме Келли МакГиллис, там был практически только один женский персонаж, но зато какой – няшная, юно-синеглазая Мег Райан. Н-да, тогда очень многие наши мужички и парнишки хотели себе курточку или штаны «как в кине у Тома Круза» (об импортных мотоциклетах в те времена не стоило и мечтать), а позднесоветские дуры-бабы тоже очень хотели быть похожими на главную героиню «Топ Гана»; как же, помню я эту моду, только дикие отечественные телки, за неимением лучшего, пытались обтягивать наливные жопы узкими юбками из грубой джинсы, пошитыми какими-нибудь кавказскими цеховиками (ведь, как позднее выяснилось, на Западе не существовало в природе марок джинсовых изделий, вроде пресловутой «Монтаны»), да и остальные детали подобного прикида и макияжа наших подражательниц Голливуду, мягко говоря, не вполне совпадали с американским оригиналом. Зато, глядя на подобных «икон стиля», ты понимал, как выглядят живьем пресловутые «елки-моталки».

Интересно все-таки – а чего мы тогда от всего этого экранного действия так тащились? В каком бреде и каком дыму мы были? Ведь пересматривая «Топ Ган» сейчас, в спокойной обстановке и хорошем качестве, я понимаю, что вообще-то его сюжет особой свежестью и оригинальностью не отличался (что, впрочем, было свойственно всем голливудским «военно-патриотическим» фильмам, снятым в 1980—1990-е гг.). А самое смешное – если смотреть это кино внимательно, тут же становится до слез ясно, что «Топ Ган» – это, по сути, классический позднесоветский фильм «на производственную тему», со всеми приложенными атрибутами данного жанра, и какой-нибудь «Ответный ход» или «Случай в квадрате 36–80» мало в чем ему по этой части уступают.

Судите сами – пилот «Томкэта» (тогда в Штатах как раз раскручивали до максимума дурацкую дезинформацию о том, что F-14 это прямо-таки «неубиваемый суперистребитель» – только на самом деле в ВМФ США он толком и не воевал – по паре сбитых над нейтральными водами в 1980-е гг. безоружных ливийских Миг-23 и Су-17 и единственный, уничтоженный во время пресловутой «Бури в пустыне», вертолет Ми-8 тут не в счет) храбрый лейтенант Пит Митчелл (герой Тома Круза) направлен «на курсы повышения квалификации» в жаркий калифорнийский Мирамар (кстати, я еще тогда не мог понять, с чего это он по такой жаре ходит в кожаной куртке с меховым воротником?), чтобы стать «асом из асов», но при этом у него по жизни множество проблем, как с дисциплиной и самодисциплиной, так и (да-да!) с анкетой (отец во время вьетнамской войны пропал без вести, не вернувшись из боевого вылета при каких-то там невыясненных обстоятельствах, то ли вместо Вьетнама в красный Китай залетел, то ли еще чего). Ну и далее по ходу фильма всплывают и остальные жанровые «фишки» –

борьба за формальное и неформальное лидерство в сугубо мужском коллективе (где, чисто по времени, педикам вроде бы еще категорически не полагалось быть, но часть пилотов US NAVY в этом фильме почему-то ведут себя как самые натуральные, взаврадавшие «светлосиние», спасибо хоть до интима у них там не доходит), злобные и не очень коллеги-недоброжелатели, мудрый старший наставник, отказ техники, ставший причиной гибели лучшего друга-напарника, мазохистские самокопания героя, переходящие в депрессию, любовь, несколько оживляющая нудный процесс боевой и политической подготовки постельными сценами (ну а если сказать точнее – одной постельной сценой) и еще много чего. Самое главное – в итоге П. Митчелл с позывным «Мэйверик» преодолевает все невзгоды и трудности, оканчивает курс подготовки в числе лучших и в финале показывает-таки все, чему его научили, – в «реальном боевом столкновении», обстоятельства которого выглядят предельно по-идиотски (что вообще типично для Голливуда): спасает товарищей, сбивает три мифических русских МиГ-28 и героем возвращается к любимой, чтобы уже в качестве инструктора передавать свой боевой опыт другим. И вот сейчас я и думаю – и что тут такого выдающегося? Выходит, что купились мы тогда, по своей дурусти, как обычно, на красивые фантики – действительно неплохие даже по современным стандартам воздушные съемки (хотя реальные сверхзвуковые самолеты так не летают и на расстояние пистолетного выстрела не сближаются – подобная боевая техника стоит нечеловечески дорого, и дураков среди их пилотов нет), да еще, пожалуй, песню, за которую это кино и получило единственный «Оскар».

И, хотя юность и конец 1980-х давно исчезли за многочисленными и кривыми жизненными поворотами, на дворе опять замаячила никуда не уходившая холодная война, и вот уже Голливуд зачем-то снимает продолжение «Топ Гана», где старый, морщинистый и неубедительный Том Круз, похоже, в основном, при помощи компьютерной графики и эффекта «зеленого экрана», собирается воевать с «ржавыми» русскими Су-30СМ и Су-35С на F-18, который, по определению, истребитель, в общем-то, никакой, но других у флота США просто не осталось. Последние F-14 давно списаны (самое смешное, что на них сейчас не летают нигде, кроме Ирана!), Том Круз, как позднее выяснилось, оказался искренним адептом сильно отдающего безумием учения Рона Хаббарда, а предмет вождения советских парнишек конца 1980-х растолстевшая Келли Энн МакГиллис на старости лет, похоже, вовсе лишилась разума (или это у них там теперь мода такая?), раз уж зачем-то подалась в лесбиянки. Короче говоря, грустный у этой голливудской истории финал, дорогие ребята. Тем более что упорно вбивавший в бошки зрителям всего мира в 1980—1990-е нехитрую мысль о том, что самые крутые альфа-самцы и лучшие на планете солдаты обитают исключительно в Североамериканских Штатах, Голливуд в новом веке почему-то быстро и бесповоротно излагался и вдруг начал клепать фильмы почти исключительно о подвигах разных там обладающих сверхспособностями супергероев со страниц комиксов – ну не верят они там у себя больше ни в Рэмбо, ни в Железного Арни, ни в Крепкого Орешка. Что, тенденция, однако?

В общем, для себя я решил, что не буду специально спрашивать свою «гостью из будущего» о причинах этого маскарада. Типа не заметил. Захочет – сама расскажет...

– Що, опять? – спросил я, одергивая майку, с иронической интонацией волка из мультфильма «Жил-был пес».

– Я тоже рада тебя видеть. Считаю, что опять.

– Опять что? Спасать кого-то ради мира, времени, человечества? Только у меня еще с прошлого раза с этим некоторые проблемы. А учитывая количество убиенных, которое этому миру еще предстоит, я даже боюсь представить себе, кто вы вообще такие и на той ли стороне я вообще воюю?

– А если честно, нет никакой «другой стороны». Я тебе уже объясняла – там у нас единое государство. Так что на самом деле ты ни с кем не воюешь, утешься. По большому счету, наш отдел внутренней безопасности занимается всего лишь борьбой с теми, кто, как принято

выражаться здесь, у вас, не согласен с пресловутой «генеральной линией». Только и всего. Или ты хочешь сказать, что тебе подобные похождения не нравятся?

– Да, не всегда, знаете ли. К примеру, прошлый раз меня не сильно впечатлил. Я как-то плохо воспринимаю дела, конечного смысла которых не понимаю и где даже пострелять-то толком не дают. Ну и, если без метафор, на что вы меня опять собираетесь подписать? Ведь вы же сюда сегодня свалились явно не просто так – опять я зачем-то понадобился. Так куда идти и зачем?

– Будем считать, что ты угадал. На спасательную операцию.

– Где и когда?

– На сей раз январь-февраль 1940 года. Карелия. А точнее Приладожье.

– Стало быть, война с белофиннами? – выдал я неpolitкорректное, советское (а где-то даже и сталинское) название данного конфликта, прикинув, что попасть в лютую зиму из душного августа будет даже интересно, хотя бы с точки зрения перемены обстановки.

– Если тебе так больше нравится, можешь называть эту войну и так.

– И кто конкретно нас, а точнее, вас, в этот раз интересует?

– Будущий академик Игнатов Сергей Парамонович.

– Вот никогда о таком академике не слышал! – нагло заявил я, подумав с полминуты. Хотя утверждать, что я знаю имена всех отечественных академиков современного периода, точно не стоило. Поскольку еще в 1990-е различных псевдонаучных «академий» у нас в России наплодилось, как тех бактерий под ободком унитаза, даже больше, чем профессиональных протестантов-борцов против чего угодно. Нынче очень многие «по четным» академики, а по нечетным преподают какую-нибудь гнусную лабуду, вроде основ «кейнсианской экономической модели», в занюханном колледже или заманивают лохов на бизнес-тренинги собственной разработки. При этом, одновременно, я неожиданно вспомнил, что как-то, во время одной из своих прошлых «забросок», коротенько пообщался с человеком по фамилии Игнатов. Но это было в сугубо альтернативной реальности, и к любой науке тот Игнатов точно не имел вообще никакого касательства, поскольку был всего лишь разведчиком в мотострелковой части.

– Да, честно говоря, и не должен был слышать. Ты вообще-то, за всю твою жизнь, хоть что-нибудь слышал, к примеру, о физике темпорального поля? У вас тут это еще лет пятьдесят будет закрытая и считающаяся, мягко говоря, малоперспективной тема...

– Позвольте полюбопытствовать, а что такого изменится через пятьдесят лет? У людей отрастет третий, телепатический, глаз?

– В той временной точке, где мы с тобой сейчас мирно беседуем, человечеству действительно необходим фундаментальный научный переворот, который наконец запустит какую-то новую, следующую версию цивилизации. Но его все нет и нет. И первые признаки этого переворота появятся как раз лет через пятьдесят.

– То есть доживут, как я понял, не все?

– Ты правильно понял. Но именно тогда исследования темпорального поля станут одной из передовых областей науки.

– А сейчас что этому мешает?

– Ну, для начала, это безумно энергозатратная вещь. А как раз через полвека в обиход понемногу войдут принципиально новые источники энергии, вроде давней мечты многих в виде термоядерных реакторов, что позволит заметно удешевить подобные опыты, а затем поставить эти работы чуть ли не на поток.

– Допустим. Ну и кто он вообще такой, этот ваш Игнатов?

– Согласно формулировке из наших энциклопедий это один из главных теоретиков и фактически создатель теории темпорального поля. Очень закрытый ученый. Кстати, ты вряд ли слышал о нем еще и потому, что на момент нашего с тобой разговора он уже лет пятнадцать

как умер – дедушка был 1920 года рождения. Но, тем не менее, его теоретические наработки очень пригодились уже после его смерти.

– Что-то я не очень въезжаю. Спасать того, кто все равно уже покойник? А смысл?

– Смысл в том, что в прошлом произошел некий, ранее никем не предусмотренный и потому неожиданный сбой. Дело в том, что в конце 1939 года будущему академику Игнатову было девятнадцать лет от роду. Он работал в электромеханическом цеху Кировского завода и одновременно заочно учился на физическом факультете Ленинградского государственного университета. Естественно, что тогда он, как и положено обычному студенту, о каком-то там темпоральном поле еще вообще ничего не слышал. Когда началась война с, как ты их называешь, белофиннами, его мобилизовали в Красную армию. И, по считающейся основной версии истории, работал он там по своей прежней специальности – занимался транспортировкой подбитых на Карельском перешейке танков на том же, родном для него, Кировском заводе и их последующим ремонтом, то есть на протяжении всей Зимней войны оставался в Ленинграде и благополучно пережил эту войну, как, впрочем, и последовавшую за ней Вторую мировую. В 1941-м, еще до того как замкнулось кольцо блокады, Игнатов, в числе прочих, был эвакуирован из Ленинграда в Челябинск, где затем и работал на танковом производстве, изредка выезжая на фронт исключительно в составе испытательных и ремонтных бригад. То есть, по состоянию на 1945 год, он оставался живым и здоровым. Но вдруг, совершенно неожиданно, случилась странность – возник некий приказ, в результате которого Игнатов отбыл на Карельский фронт в составе 13-го армейского ремонтно-восстановительного батальона и там вместе с ним попал в окружение.

– Это, часом, не один из тех «котлов» в районе Леметти, где погибли 18-я стрелковая дивизия и 34-я легкотанковая бригада?

– Не совсем, хотя участок фронта ты угадал правильно. Действительно Приладожье. Но это один из более мелких «котлов» где оказались зажаты разрозненные подразделения самых разных частей Красной армии и тылы той самой 18-й стрелковой дивизии. Произошло это все на так называемой дороге Метса-тие, несколько северо-восточнее только что упомянутого тобой Леметти, в районе Куурометса. А поскольку в тех небольших «котлах» зачастую не было даже батальонов полного состава, известно о них крайне мало...

– То есть вы хотите сказать...

– Да. Мы еще не успели узнать, кто все это подстроил, но совершенно очевидно, что тут опять явно не обошлось без некоего направленного воздействия извне. Сейчас мы это пытаемся выяснить. Но ясно, что за этим безобразием снова стоят индивиды из числа тех, кто у нас там выступает резко против любых опытов с временем и темпоральным полем. Собственно, ты с некоторыми из них уже встречался...

– То есть, если будущий академик погибнет или пропадет без вести в этой чертовой тайге, вам останется только кусать локти, поскольку вся премудрая теория темпорального поля накроется медным тазом?

– Я не думаю, чтобы она, как ты выражаешься, «накрылась», иначе нашего разговора, скорее всего, не было бы.

– Хотите сказать, что вместо Игнатова все равно, рано или поздно, найдется другой теоретик подобной же тематики, какой-нибудь доктор Сунь Буй Вхер или профессор Факерман?

– Да. Но если с Игнатовым что-то случится, это неизбежно вызовет разного рода искажения последующих исторических событий. И многие вещи, прямо связанные с теорией темпорального поля, наверняка окажутся под угрозой. Да и последующая реальность причудливо изменится, может даже возникнуть какой-нибудь ее очередной, альтернативный вариант, что для нас не есть хорошо. В общем, пока этого не произошло, надо попробовать привести все в норму.

– Стало быть – исправляем искажения пространственно-временного континуума путем возвращения красноармейца Игнатова из-за линии фронта?

– Да.

– Почему опять я? Насколько я понимаю, у вас для этого свои гарные хлопцы есть!

– Возможно, тебе это покажется странным, но нет. Ты будешь смеяться, но твоя кандидатура показалась кое-кому из наших начальников наиболее подходящей.

– С чего бы это, интересно знать?

– А с того, что, как ты уже, наверное, успел понять, мы, увы, не всеильны и не всезнающи. И особенно скупы наши знания о событиях, подобных разным малым войнам XX века. Например, в этой самой пресловутой Зимней войне ты должен ориентироваться явно лучше многих наших специалистов.

Услышав это, я чуть было натурально не заржал. Все-таки, похоже, за последующие столетия действительно было просрано значительно больше знаний, чем я мог предполагать. Хотя, чего я удивляюсь? Например, тот же Советский Союз более-менее материален ровно до тех пор, пока живы типы вроде меня, то есть те, кто успел пожить в нем хоть немного. А вот когда мы все перемрем, тут-то и начнется та самая «полная и окончательная победа демократии», о которой так мечтали мордастые отечественные вождишки из 1990-х. Только нас это уже волновать не будет.

И это я-то для них специалист? Ну-ну. Допустим, я за свою жизнь прочитал несколько десятков книг (от художественной литературы до сборников документов) и статей разного качества о Зимней войне да посмотрел некоторое количество кинохроники и фотографий на эту тему. Плюс к этому несколько художественных фильмов, из которых наш на эту тему есть ровно один – «Машенька» Ю. Райзмана, вышедший на экраны в 1942 г., а снимавшийся в 1940—1941 гг., явно по горячим следам той краткой кампании (разного рода финские поделки 1980—1990-х гг. на эту тему, вроде считающейся в Хельсинки «классикой кино и литературы» «Talvisota» 1989 г., где «проклятых большевиков» кладут направо и налево прямо-таки штабелями, трудно считать за источники сколько-нибудь правдивой информации). Что еще? Ну, допустим, я, в общих чертах, ориентируюсь по карте на тему того, где там что было и когда. Но ведь реально-то я в тех краях дальше Питера все рано не бывал. Или в их не сильно светлом будущем все работает по тому же очень старому принципу «одноглазого среди слепых»? Дескать, лучше хоть что-то, чем вообще ничего? На безрыбье и жаба – лабордан?

– Допустим, – сказал я, решив не высказывать эти свои сомнения вслух. Хотя о чем это я – кого из моих работодателей вообще волнует, что я там думаю?

– Хорошо, что ты это понимаешь. Но главное даже не это.

– А что тогда главное?

– Дело в том, что мы уже отправили для спасения Игнатова группу из трех единиц.

– В каком смысле «единиц»? – уточнил я, заметно удивившись этой странной формулировке.

– «Единиц» – потому что это не люди, а Кюнсты.

– Кто-кто?! – еще больше удивился я.

– Кюнсты, они же Компосы, от немецкого «*künstlich*», или английского «*composite*», или французского «*compositique*». По нашей классификации – искусственные, человекоподобные организмы.

– Ого. Это что, опять ходячие банки данных, навроде той эрзац-фрау, с которой я в прошлый раз изрядно хлебнул шилом патоки, таскаясь по Восточной Европе?

– Не совсем. Эти устроены куда проще. Простые боевики-функционалы с минимально необходимым искусственным интеллектом.

– Н-да, хрен редьке не товарищ. Но мне от этого вовсе не легче. И что же эти «боевики-функционалы» нафункционалировали такого, раз в итоге все равно понадобился я?

– Под видом разведгруппы 301-го отдельного лыжного батальона Кюнсты благополучно нашли и взяли под опеку будущего академика.

– Стоп! А чем столь знаменит этот самый 301-й лыжный батальон РККА, коли уж ваша группа решила работать именно под него?

– Как раз ничем. Единственное достоинство этой части – окруженцы в «котлах» точно знают о его существовании. 301-й лыжный батальон был сформирован в начале 1940 года, в основном из добровольцев, а затем его личный состав пытались использовать для связи с окруженными частями, организации снабжения «котлов» и их деблокады. Ни одну из этих задач до марта 1940 года выполнить не удалось, а батальон потерял при этом две трети личного состава.

– Ого. Говорите, что мало знаете о Зимней войне, а сами вон какие подробности чешете как по писаному! – Выдав эту фразу, я лихорадочно соображал и наконец понял, что по-фински «Кууромется» – это что-то вроде «глухой лес», а «Метса-тие» – всего лишь «лесная дорога». Что, видимо, должно хорошо характеризовать суть этих географических точек, где и по сей день, похоже, ни хрена нет, разумеется, кроме леса и дороги.

– Это не подробности, а всего лишь кое-какие детали информационного прикрытия операции. Ведь все должно быть достоверно. Ты лучше слушай и не перебивай. Самое неприятное, что после того как Кюнсты отыскивали Игнатова, странности продолжились.

– Что значит «продолжились» и какие именно?

– Изначально наша поисковая аппаратура была настроена на ДНК объекта.

– Стоп! Это как? Вы что, успели у него соответствующий анализ взять?

– Зачем? Для получения нужного биоматериала вполне достаточно было того, что наши агенты тайно побывали у него в квартире. Тут хватило предметов первой необходимости – посуда, белье, одежда, книги и прочее.

– Ладно, и что с того? При чем тут вообще ДНК? А кроме того – разве в 1940 году на земной орбите болтались какие-то спутники-шпионы? Я как-то слабо представляю, каким образом эта ваша аппаратура смогла отслеживать нужного человека, да еще и при отсутствии у последнего каких-либо электронных устройств, к которым можно было бы «привязаться»?!!

– В радиусе до сотни километров аппаратура, которую обычно используют наши оперативники, может нормально отслеживать местонахождение любого биологического объекта, если, конечно, его характеристики известны заранее. И никакие спутники для этого не нужны. Так вот, уже после того как Игнатов был нами обнаружен, поисковая аппаратура почему-то неожиданно начала фиксировать буквально в нескольких километрах от будущего академика еще одну человеческую отметку с очень сходными параметрами.

Здесь я поймал себя на мысли, что в этот раз голографическая Блондинка слишком уж часто употребляла слово «неожиданно», странное для людей из будущего, которые, по идее, должны знать о прошлом все или почти все. Неужели дела действительно складывались столь хреново?

– Что, какой-нибудь брат-близнец? – здраво предположил я. Не подсунул же какой-нибудь злодей в 1940 год игнатовского клона? Или все-таки подсунул?

– Судя по всему – нет. Конечно, о биографии Игнатова мы знаем мало, но, по дошедшим до нас официальным данным, у него не было родных братьев или сестер, да и никто из других его относительно близких родственников на Карельском фронте зимой 1939/40 гг. не был. Кроме его самого, разумеется.

– А клон? – ляпнул все-таки я.

– Что «клон»? – не поняла Блондинка.

– Ну, чисто в порядке бреда – если у вас там все так просто, могло же некое заинтересованное лицо добыть биоматериал будущего академика, изготовить на этой основе клона, а потом отправить его в прошлое?

– Зачем? – еще больше удивилась моя собеседница.

Честно говоря, я не нашел, чего ответить.

– Ну, мало ли... Хотя бы для введения в заблуждение вашей поисковой группы, – промямлил я.

– Ты что, совсем рехнулся? Ты хоть представляешь, каких усилий стоит изготовление полноценного, функционального человеческого клона? Или ты всерьез думаешь, что у нас подобные вещи штампуют, как здесь у вас сосиски на конвейере? И потом, раз уж эти, как ты выразился, «заинтересованные лица» первым делом сфабриковали приказ об отправке будущего академика на фронт, они хоть чуть-чуть в этом соображают и явно стремятся свести свое воздействие на прошлое к допустимому минимуму. И, скорее всего, у них просто нет реальных возможностей для отправки в прошлое полноценного киллера, вроде тех, что преследовали тебя в прошлый раз.

– Как интересно! – сказал я, понимая, что, кажется, действительно изрядно перегнул палку с подобными предположениями. – И что же вы стали делать?

– Первым делом наша служба обеспечения предположила, что это просто технический сбой поисковой аппаратуры. Такое иногда случается. И, по иронии судьбы, случилось все это именно в выходной день, когда никого из курирующего спасательную операцию начальства не было на месте. А идиот, который в тот момент как раз дежурил в командном центре, был всего лишь второстепенным специалистом по тестированию и ремонту оборудования для хроноперебросок и, не имея полномочий для принятия самостоятельных решений, решил лишний раз перестраховаться, не придумав ничего лучшего, кроме как приказать Кюнстам еще раз проверить эту информацию. Возможно, просто проигнорировать сам факт технического сбоя оказалось бы куда полезнее во всех отношениях...

– Я так понимаю, от подобного приказа стало только хуже?

– Ты угадал. У Кюнстов при получении взаимоисключающих приказов неизбежно начинаются проблемы, как это обычно бывает с искусственным интеллектом. Оставить основной объект, то есть Игнатова, охрана и доставка которого были основной и приоритетной задачей, они не могли. Поэтому поступили строго в соответствии с инструкцией – отправили на разведку для поисков второй отметки одного из своей группы. И этот Кюнст благополучно пропал через десять часов.

– Что значит «пропал»?

– Аппаратура объективного контроля фиксирует, что он вполне функционален, то есть жив, но практически не двигается. А поскольку находится он за линией фронта, предположительно его пленили финны...

– «Супербоевик-функционал» – и взят в плен?!

– Они вовсе не «супер». Одна из их главных программных установок – ни в чем не отличаться от аборигенов, и в плане внешности, и в плане поведения.

– То есть они вовсе не железные?

– Конечно нет, хотя убить такого индивида действительно довольно сложно. Кремний и керамика вкупе с искусственными человеческими тканями. Но без вскрытия хирургическим путем черепной коробки и позвоночного отдела их от обычных людей отличить невозможно.

– Во как. Действительно попадос. А что с этой самой второй отметкой?

– То появляется, то исчезает, и наши специалисты все больше склоняются к техническому сбою. Но самое плохое – предположительно, при взятом в плен Кюнсте было кое-что из аппаратуры, которую категорически не стоило светить перед людьми середины XX века.

– То есть выходит некий замкнутый круг, я все верно понял? Они не смогут вернуться, пока не переправят товарища будущего академика за линию фронта и одновременно они не могут этого сделать, оставив одного из своих в руках противника? Так?

– Все верно.

– И, как можно предположить, ваше начальство, как всегда, не хочет выносить сор из избы, отправлять туда спасательную команду и вообще предпринимать каких-либо масштабных, дополнительных действий, традиционно боясь выйти из рамок технических возможностей и бюджета. То есть, если я все верно понимаю, вам приказано обойтись минимальными силами и средствами, а отправка в прошлое одного, пусть даже хорошо вооруженного и оснащенного, человека (а конкретно – меня, грешного), к тому же способного обходиться при переброске без каких-либо технических средств, в вашу смету, видимо, вписывается?

– Угадал.

– То есть, для начала мне нужно ухитриться вернуть из узилища этого вашего, некстати попавшего в плен, Кюнста-Компоса и его аппаратуру, а потом еще и посодействовать переправке будущего академика Игнатова через фронт? Два в одном? Не крутовато ли для меня одного?

– Мы думаем – справишься.

Ну да, они те еще оптимисты...

– Не простое заданье, – сказал я на это. – Ох, непростое!

– А никто и не говорил, что будет легко, – последовал вполне ожидаемый ответ.

– Тогда обеспечьте меня всем, чем скажу, по списку. И точку входа-выхода тоже определяю я сам.

– Хорошо, – согласилась практически сразу и на все моя собеседница.

– Когда идти?

– А чем скорее, тем лучше.

Я молча посмотрел на нее и вдруг вспомнил, что в «Топ Гане» практически нет кадров, где героиня Келли МакГиллис сидит. Нет, то есть там есть моменты, где она сидит за рулем «Порше», за столом в кабаке или на рабочем месте, но это сплошь крупные планы. А лицезреть ее целиком в этом кино можно, в основном, когда она стоит, идет или, скажем, лежит. С чего мне это пришло в голову – да кто бы знал?! И именно поэтому я сразу же одернул сам себя – не о том думаешь, паря, ох не о том...

В общем, следующие сутки я провел в трудах, потратив массу времени на уточнения списка необходимых мне «приборов и материалов» (в основном, естественно, огнестрельных), которые Блондинкиной службе обеспечения следовало изыскать и предварительно забросить непосредственно в точку моего входа, а также выработку мало-мальски связной «легенды» моего появления на «фронте борьбы с шайкой финских белобандитов из Хельсинки» (времена были суровые и разных там особистов-контрразведчиков, вкуче со всеобщей подозрительностью, не стоило списывать со счетов), штудирование исторических справочников, различных карт, а заодно и доступных словарей финского языка.

А на закате спустя двое суток после своего разговора с Блондинкой я уже был в своем огороде на окраине Краснобельска. Место для операций, подобных моему обычному приходу-уходу, там было почти идеальное.

Как я уже успел понять (как-никак опыт!), главным в данном случае было отсутствие в пределах визуальной видимости лишних свидетелей. А что может подходить для этого лучше, чем полузаброшенные садово-огородные товарищества, даже не обозначенные на последних картах городских окрестностей? Десятилетиями эти некогда (а точнее – в конце 1960-х) розданные работникам местных нефтеперерабатывающих заводов для «самообеспечения семей витаминами» участки по шесть-десять соток медленно, но верно приходили в запустение, поскольку их первые, энергичные хозяева неизбежно болели, старели и постепенно умирали, а их дети и внуки уже плевать хотели на отцовские и дедовские огороды, поскольку вся эта морковь с укропом, яблоки и прочая малина-вишня-смородина категорически не вписывались в их систему «жизненных ценностей».

Так что безлюдье здесь было практически полное, да и замотивировать свое отсутствие в течение одного или двух дней в период активного сезонного созревания яблок, а также желтой и черной сливы перед родными было проще простого. Взяв с собой бутерброды, термос чая, а также рюкзак, обширную корзину и пару пластиковых ведер, я официально отбыл «для сбора урожая» с обещанием вернуться завтра с утра. Ну а ночевать у нас в огороде, пока на дворе еще относительно тепло, вполне себе допустимо.

Короче говоря, по прибытии я некоторое время осматривался и прислушивался. Справа и позади моего огорода привычно тянулось аж восемь превратившихся за крайнее десятилетие в некий неряшливый «яблонево-вишневый лес», брошенных садовых участков с уже почти невидимыми среди окружающего бурелома, покосившимися, а где-то уже и завалившимися набок домиками с полностью или частично отсутствующими окнами, дверями и крышами. Дополняла пейзаж вымахавшая под два метра одичавшая малина, местами переплетавшаяся с очаровательной мясистой крапивой. Посреди этого горького символа нынешней России (вот ведь вроде прожили три десятилетия в этой новой реальности, а в итоге-то, на выходе, ничего, кроме пустошей и бурьяна, как говорит один мой приятель – я еще не проданся Госдепу США, но глядя вокруг, уже таки начинаю хотеть сообщить американцам номер своей кредитной карты) вполне можно было снимать хоть клип, хоть полноценный упаднический фильм в декорациях «Сталкера» или чего-то подобного. Но пока что на подобное не сыскалось толковых киноделов – они нынче обленились, предпочитают не выезжать «на натуру», а все больше по душным павильонам груши околачивают.

За кустами и сливовыми деревьями слева от меня были пьющие соседи-татары, а именно – странноватая, глуховатая (разговаривает исключительно криком, даже если соседник стоит в метре от нее, а если с ней здороваются, неизменно пугается) и вороватая старуха Фаниса и ее крайне мутный сын Фанис (смешно, правда?), непонятно чем занятый по жизни, поскольку с ранней весны и до поздней осени его можно было встретить в огороде практически в любое время суток, последнее уже давно наталкивало меня на мысль о том, что этот малый банально бичует. Традиционно этих двоих вообще мало что волновало, даже когда они были в трезвой полосе. Вот и сегодня было решительно неясно – сидят они в своей ядовито-зеленой садовой будке (поддав, они обычно дрыхли) или за чем-нибудь отчалили в город с последним вечерним автобусом? Более подробный осмотр обнаружил на двери соседской будки амбарный замок – все-таки уехали.

Далеко справа от заброшенных «территорий» жило некое бесквартирное семейство с несколькими детьми (по нынешним временам для многих, особенно явившихся искать легкой жизни в городе напрямик из дальней деревни, это выход и даже довольно выгодное приобретение – здесь, считай, черта города, даже автобус ходит, а вот цена пары здешних садовых участков с домами и подводкой электричества несопоставима со стоимостью городской квартиры-однушки, да и прописку здесь вряд ли кто-то проверяет, нынешняя власть теми, кто живет на отшибе, как правило, не интересуется, поскольку брезгует) – но эту пришибленную публику тем более не интересовало то, что происходило в нескольких метрах за их заборами.

Убедившись, что никто меня не видит и не слышит, я занялся предварительным переодеванием в экипировку, которая не бросалась бы в глаза восемь десятилетий назад и одновременно не дала бы мне околеть на январском морозе в первые пару часов – старое, лишенное малейших намеков на какую-либо маркировку белье, шерстяные подштанники, серый свитер грубой домашней вязки, серо-зеленые ватник и ватные штаны (когда-то по случаю шпионерные и до сих пор особо не пригодившиеся предметы постсоветской зимней спецодежды), черная шерстяная шапка-«презерватив» и подшитые валенки (валенки были хорошие, практически неношенные, поскольку в последние годы я в них разве что во дворе ковры зимой тряс). Закончив с переодеванием, я запер садовый домик на всякий замок и, спрятав ключ в укромное место (под бочку с водой), осторожно, насколько это позволяли трещащие под подошвами

валенок осыпавшиеся с деревьев гнилые яблоки и разнообразный растительный сушняк, двинулся в глубь заросших огородов, с тем чтобы пропасть там на какое-то время. Пройдя метров пятьдесят, я наконец почувствовал всем организмом уже знакомое «переходное» состояние, потом в моей голове включился голос Блондинки, а минуты через три я, наконец, благополучно переместился «из точки А в точку Б». Путешествие началось.

День 1

На пикапе драном и с одним «наганом». Немного об окруженцах, а также тех, кто их окружает

*Пускай закончились патроны и замкнуло провода, с ядерной
Матреной все не беда.
По-моему, Трофим. Из одноименной песни*

*15 января 1940 г. Где-то возле дороги Метса-тие в районе Кууруметсяя. Западный берег
Ладожского озера.*

Первое, что я сказал себе по прибытии, если, конечно, переводить все это на литературный язык – ну, блин, и холодрыга! Все-таки тяжело вот так вот прыгать из августа напрямик в январь, без малейшей акклиматизации и прочего. Хотя, раз назвался груздем – будь добреньким и полезай куда велели.

В общем, с непривычки меня затрясло. Утерев слезы на быстро дубеющей физиономии, я понял, что, похоже, попал куда нужно, поскольку пейзаж вокруг меня разнообразием категорически не баловал – в зимнем лесу преобладали оттенки белого, серого, черного и коричневого. Судя по тому, насколько мои ноги провалились в снег, его глубина местами могла доходить до метра. А в остальном все было ожидаемо – заснеженные елки, торчащие из снега голые палки кустов и прочего подлеска, дополненные бледным зимним небом над хвойными кронами.

– Иди метров пятьдесят прямо и направо! – сказал голос Блондинки в мой голове.

Я подчинился и бодро потопал куда велели. И в конце указанной дистанции понял, что к «казенному имуществу» меня в этот раз вывели вполне точно. У корней нескольких росших довольно близко елей образовалось некоторое углубление. Спустившись в эту яму метровой глубины, я нашел лежавшие под торчавшими из-под снега корнями одной из елок два слегка заиндевелых и заснеженных армейских тарных ящика серо-зеленого цвета. Маркировки на ящиках не было, но на моей памяти, в таре таких внушительных габаритов обычно перевозили тяжелые гаубичные снаряды, гильзы и прочие полужаряды для них. Как все это стыковалось с прежними заявлениями моих работодателей о том, как дорого и сложно перекидывать через время разные громоздкие тяжести, – не знаю. Похоже, из-за срочности данной акции им пришлось откровенно плюнуть на многие ограничения и правила. Я попросил – они сделали.

Открыв верхний ящик, я понял, что все, что я «заказывал», в основном было на месте, что называется, «по списку». Вам никогда не приходилось переодеваться прямо на лютom морозе, даже если без полного разоблачения? Нет? Ну и не пробуйте, невелико удовольствие.

Тем более если шмотки довольно долго пролежали на морозе и капитально выстудились. Свои ватные штаны и валенки я решил оставить (собственно, так я и предусматривал изначально), а вот ватник скинул, натянув прямо поверх свитера добротную диагональную гимнастерку с двумя майорскими шпалами на красных, пехотных петлицах и новеньким круглым значком за Халхин-Гол (на голубом эмалевом поле скачет в профиль золотистый всадник в каске с шашкой наголо и красным знаменем с буквами и цифрами AUGUST 1939, а пониже, на красном фоне, имеется еще одна надпись – HALHINGOL, кстати, до сих пор не могу понять, почему надписи на этом значке были сделаны латиницей, да еще и без тире в названии реки?) на груди.

В полушубке я себе отказал изначально, поскольку, во-первых, в нем довольно тяжело передвигаться, а во-вторых, я хорошо помнил, что в тех краях, куда я собираюсь, глазастые финские лесорубы с винтовками в первую очередь стремились отстреливать с безопасной

дистанции любого, кто по малейшим внешним признакам хоть немного походил на «красного командира» в том виде, как его представляли тогда пейзажи страны Суоми. Как же, много читали об этом.

Именно поэтому, по моей просьбе, мне изготовили, так сказать, «штучный товар». По виду то, что я надел поверх гимнастерки, напоминало обычную красноармейскую шинель с пустыми красными петлицами, только сильно укороченную и облегченную, похоже, за счет применения нетипичных для 1940 года материалов, поскольку я просил дополнительно утеплить эту одежду какой-нибудь «синтетикой из будущего». Ну и на ощупь, судя по всему, по моей же просьбе, туда в качестве подкладки вставили нечто противоположное (я просил работодателей сделать все возможное, чтобы этот клифт держал пистолетную, а в идеале и винтовочную пулю, последнюю хотя бы на дальних дистанциях, моя досрочная смерть и срыв задания были точно не в их интересах), ну а слева на груди мне сделали большой внутренний карман под габариты пистолета «ТТ».

Перетянув этот гибрид шинели и бронежилета командирским ремнем с пока еще пустой кобурой, я натянул на уши ушанку из серой овчины с красной эмалевой звездой. Конечно, такая шапка в точке моего прибытия была вещью еще не вполне уставной, тогда в ходу были все больше шапки-финки (тем, кто не знает, что это такое, напомним – они похожи на ушанки, но без завязок под подбородком, у «финок» для защиты ушей и шеи в сильный мороз отгибался вниз задний бортик головного убора) и суконные буденовки, но в середине Зимней войны ушанки все-таки стали попадать во фронтовые части РККА вместе с полушубками и иным зимним обмундированием. Последней деталью моего гардероба были две пары серых шерстяных перчаток грубой казенной вязки, одну из которых я тут же натянул на руки.

Потом я подумал – а что мне теперь делать с ватником? Вроде выбрасывать теплые вещи посреди зимы чистой воды барство и жлобство, а с другой – таскать с собой этот самый ватник тоже удовольствие ниже среднего. Поскольку надорвешься. Поэтому я свернул ватник и убрал его в опустевший ящик. Может, кому-то повезет. Какая интересная оказалась судьба у этой завезенной из довольно далекого будущего спецодежды...

В нагрудных карманах моей гимнастерки лежало редакционное удостоверение на имя специального корреспондента «Красной Звезды» Андрея Семеновича Ухвата, со всеми положенными печатями и размашистой подписью тогдашнего главного редактора этой центральной газеты, полкового комиссара Баранова Г. В., а также партбилет на то же имя, с многочисленными отметками о своевременной уплате членских взносов.

Спросите – почему вдруг была выбрана именно эта фамилия? А хотя бы потому, что в штате «Красной Звезды» в те годы реально состоял корреспондент с такой фамилией – некий Ухватов Алексей Семенович, о подробностях биографии которого не удалось выяснить практически ничего, поскольку сей журналист погиб в начале 1942-го где-то под Севастополем. Таких в нашей мутной истории было много – их подписи под публикациями сохранились, а вот внятные жизнеописания – увы.

Обдумывая план своего появления здесь, я считал, что совпадения первых букв в инициалах будет вполне достаточно. Потому что, если кто-нибудь вздумает проверять, особо не вдаваясь в детали, ему ответят, что журналист Ухватов А. С. в «Красной Звезде» действительно числится. А вот в остальных мелочах присутствовал оттенок легкого коварства. Поскольку я Андрей, а вовсе не Алексей, и, как мне удалось установить, в конце июня 1939 г. этот самый Ухватов А. С. отбыл по заданию редакции в далекую Монголию (где в это время наши как раз воевали с японцами и журналистов там было густо, достаточно одного Константина Симонова вспомнить), а в Москву из Забайкалья этот корреспондент возвратился только в начале марта 1940 года, и на Карельский фронт он приехал практически накануне подписания Маннергеймом перемирия на советских условиях. Так что неизвестно, что могло выясниться насчет личности данного журналиста, если бы кому-то вдруг приспичило проверять его анкетные данные

более подробно. Подозреваю, что тут далеко не все сошлось бы. Но я все-таки исходил из того, что мне придется иметь дело с окруженцами, у которых, даже при наличии каких-нибудь особистов, не будет ни времени на разные дурацкие проверки документов, ни даже устойчивой связи с вышестоящими штабами. А когда ты долго и качественно отмораживаешь задницу, плотно обложенный со всех сторон злыми супостатами, на многое начинаешь смотреть проще.

Также в моих карманах лежали еще три вполне внушительных, напечатанных на машинке и снабженных печатями и подписями документа.

Первым был подписанный начальником Главного автобронетанкового управления РККА комдивом Д. Г. Павловым и замначальника ремонтно-восстановительной службы Северо-Западного фронта неким полковником А. А. Чикиным приказ о срочном откомандировании всего личного состава 13-го АРВБ в распоряжение начальника Ленинградской гарнизонной ремонтной базы военинженера 2-го ранга Я. Э. Брахта, «для выполнения важного задания командования». Я придумал именно такую формулировку в данном приказе, поскольку выдерживание под каким-то, даже вполне благовидным предлогом одного лишь Игнатова по-любому смотрелось бы крайне подозрительно. Да и у Кюнстов был с собой подобный документ, только с более ранней датой. Следовало признать, что дорогие работодатели, что бы я там о них ни думал, даже без моей помощи сумели достаточно убедительно замотивировать срочный отзыв ремонтников в тыл – в январе 1940 г. Северо-Западный фронт всерьез готовился к февральскому прорыву линии Маннергейма и производственных мощностей, а также рук для ремонта подбитой в предшествующих, предновогодних боях техники действительно очень не хватало. Ну а то, что при этом, возможно, придется тащить через фронт не одного потенциального великого ученого, а и кого-то еще, выглядело сущей мелочью.

Вторым был приказ, обращенный к командирам и личному составу всех окруженных частей 8-й армии, подписанный начальником штаба Северо-Западного фронта командармом 2-го ранга И. В. Смородиновым, предлагавший всему личному составу окруженных частей осуществить срочный прорыв за линию фронта и разрешавший, в случае необходимости, оставить на месте неисправное тяжелое вооружение, технику и транспорт. Этот приказ был нужен мне исключительно для того, чтобы сделать возможный прорыв из кольца через фронт более массовым. Все мало-мальски повоевавшие люди знают, что прорываться куда-либо в составе роты или батальона почти всегда проще, чем, скажем, всего впятером или вдесятером. Тем более что здесь вокруг «котлов» точно не было вражеских окопов или долговременных огневых точек, поскольку блокировку осуществляли легковооруженные пехотные и лыжные подразделения финнов.

Правда, нельзя сказать, что этот приказ выглядел слишком уж убедительно. Допустим, измученный холодом и голодом Ванька-взводный, увидев подобный документ, действительно плюнет на все и пойдет со своими уцелевшими бойцами на прорыв. А вот как воспримет подобный отданный с явным нарушением субординации, через голову командования 8-й армии РККА, приказ командир рангом повыше (какой-нибудь комбат или комполка) – большой вопрос. Почти наверняка исполнять его немедленно такой командир вряд ли кинется. Вместо этого он непременно начнет уточнять у своего непосредственного начальства (т. е. комдива или командарма, которые в условиях окружения или «котла» обычно находятся черт знает где) различные детали приказа и требовать его подтверждения, потеряв на этом и время, и оставшихся людей вместе с техникой. Да и передача подобного приказа через какого-то там случайно подвернувшегося, пусть даже трижды столичного журналиста выглядела крайне сомнительно. Тут даже могут легко посчитать этот приказ дезинформацией, а меня – финским шпионом. А с другой стороны, в начале 1940 года командование РККА на Северо-Западном направлении многократно меняло и людей, и оперативные планы. Так что взаимоисключающие приказы здесь не были чем-то из ряда вон выходящим. Собственно, на это, вкупе с явным отсутствием в здеш-

них «котлах» устойчивой радиосвязи (не говоря уж о ее прочих видах), у меня и был основной расчет.

И, наконец, на самый крайний случай, мне любезно состряпали на красивом бланке Главпура РККА весьма достоверную бумажку, в которой говорилось, что Ухватов А. С. (то есть я) выполняет «специальное задание» самого начальника Главного политического управления РККА армейского комиссара 1-го ранга Л. З. Мехлиса, за подписью последнего. Этакая «индальгенция» от местного кардинала Ришелье (вдруг я кого-нибудь не того ненароком замочу по ходу дела) – и иди пойми из этого документа, кто я вообще такой, просто стукач или какой-нибудь тайный ревизор по линии министерства любви?

Еще там были бритвенные и умывальные принадлежности, включая мыло и помазок. При этом, поскольку пользоваться опасной бритвой я так и не научился, мне положили импортную бритву со сменными жилетовскими лезвиями – в те времена подобное особых вопросов не должно было вызывать, поскольку разного импортного ширпотреба наши вояки богато наташили из «Освободительного похода», а я, по легенде, и вовсе явился прямым с Баин-Цагана, где с японскими трофеями тоже было все нормально. Хотя я с самого начала понял, что в условиях, когда даже питьевую воду надо топить из снега, мне точно будет не до бритья – и не ошибся.

Прочее мое «богатство» составляли планшет, где лежали складной нож, толстый чистый блокнот в комплекте с авторучкой, несколькими простыми карандашами и не толстой пачечкой писчей бумаги (для альтернативного использования в отхожем месте эта бумага была толстовата – даже если предварительно помнешь, все равно есть риск качественно ободрать задницу), а также не слишком подробная карта-трехверстка этого района, старый номер «Красной Звезды» от 9 января 1940 г. и какая-то армейская многотиражная листовка «На разгром белофиннов!» от 11 января – раз уж я изображал из себя журналиста, без всего этого просто никуда. Также у меня имелись четыре индивидуальных перевязочных пакета, пузырек с йодом, пистолет «ТТ» с тремя снаряженными запасными обоймами, а также револьвер старорежимной системы «наган» с полным барабаном и двумя пачками коричневого картона с маркировкой «Револьверные патроны калибра 7,62 мм. 14 шт». Отдельно, во втором ящике, лежали пистолет-пулемет ППД-40 с примкнутым диском, два снаряженных барабанных магазина к нему (один магазин был с брезентовым подсумком для ношения на поясе) и три куда более увесистые пачки из того же упаковочного картона с типографскими буквами «Пистолетные патроны калибра 7,62 мм 70 шт.». На обороте этих пачек имелся еще и чернильный штемпель «Весовица пачек номер 12». Да, тэтэшных патронов я заранее попросил побольше, поскольку они шли и к ППД, и к «ТТ». Подсумок с запасным автоматным диском я немедленно нацепил на поясной ремень (пришлось распоясываться). Затем «наган» был прицеплен к кольцу на конце вытяжного ремешка и убран в кобуру, а «ТТ» я спрятал в предназначенный для него нагрудный карман.

Гранат я у своих «нанимателей» не просил. Еще во втором ящике лежали свернутый белый халат (по моей просьбе его сделали именно в виде халата с капюшоном, чтобы надевать поверх шинели), полевой бинокль, фонарик и наручные часы с желтыми цифрами и светлой металлической стрелкой на фоне темного циферблата (в центре циферблата была желтая надпись: «им. Кирова», а слева – второй, маленький циферблат с секундной стрелочкой), которые я немедленно нацепил на руку. Часы исправно шли, показывая 14:27. Правильное это было время или нет – фиг знает. Я решил что разберусь с этим потом.

В тот же ящик с трудом утыркали и туго набитый мешок типа «сидор». В вещмешке было килограмма два хорошего копченого сала, примерно столько же (судя по весу) ржаных сухарей, десяток красновато-черных пачек папирос незнакомой мне марки «Перекоп» какой-то Керченской фабрики и стандартная фляга в чехле, наполненная под пробку чистым спиртом (судя по запаху) – самые полезные, с точки зрения окруженца, продукты. Мешок был не так

чтобы легкий, а после того как я засунул туда еще и маскхалат, диск к ППД и пачки запасных патронов, он стал вообще конкретно тяжелым.

Завязывая вещмешок, я отметил для себя, что снег здесь, по крайней мере, в последние пару дней, похоже, особо не шел и лес вокруг был несколько потоптан. Нет, то есть не то чтобы тут ходили прямо-таки толпами, но следы и обуви, и лыж присутствовали и там и сям. В наших городских парках зимой это выглядит примерно так же. Так что теоретически в здешних лесах должно было быть довольно людно. Ну а в остальном было тихо. Сосенки-елочки и никого. Почти романтика, мля.

Я потянулся за лежавшими на ящиках передо мной ППД и вещмешком, собираясь наконец натянуть лямки тяжеловатого сидора на плечи и начать движение.

И именно в этот момент я понял, что слишком рано радовался насчет тишины – в толстый ствол помнящей, наверное, еще времена царствования императора Александра II ели, рядом с моей головой, звонко чпокнула явно винтовочная пуля. Облачко мелкой смолистой щепы обдало мою шапку. Вот не нагнулся бы в эту самую секунду – получил бы непосредственно в башку. Называется – все надо делать вовремя. Звук выстрела долетел до меня с опозданием.

И это у них тут вместо «здрасьте»?! Кукушки херовы! Не успел перевести дух, а они уже тут как тут! Прямо как зимние мухи на ледяное говно...

Сразу стало как-то не до вещмешка. Зато начали работать инстинкты, в основном – самосохранения. Я дальновидно бухнулся в снег, перехватил ППД поудобнее, перевел машинку на одиночный огонь (неизвестно, сколько могла продлиться эта неприятность!), взвел затвор и два раза выстрелил, ориентируясь исключительно на звук и прежде всего желая вызвать неизвестного стрелка на дальнейшие глупости.

Стрелок меня не обманул и тут же сделал по мне еще два выстрела. Одна пуля ушла неизвестно куда, вторая попала в то же самое дерево. Всматриваясь через прицельную планку автомата в унылый заснеженный лес, я быстро понял две вещи. Во-первых, я, кажется, примерно определил, откуда бьют, – столь горячо «приветствовавший» меня снайпер находился правее, чем я подумал сначала, после первого его выстрела, но вот его самого я, черт возьми, не видел. Во-вторых, стало ясно, что после того как я залег в снег, меня ему стало плохо видно.

Ну и, разумеется, было понятно, что стреляют по мне из винтовки, а ППД, при всех его достоинствах, не самый лучший инструмент для снайперских дуэлей. Особенно если у моего противника дура с оптикой.

Для начала я перекатился по снегу правее и выстрелил еще дважды, одновременно продолжая считать «очки» супостата.

Бабахнули еще два выстрела. И оба раза – в деревья левее и сильно выше меня. И все-то этих лесорубов к дровам тянет, видимо, генетически, на подсознательном уровне. Полежал бы ты лучше немного в добротном еловом гробу, сука финская...

Однако, как мне показалось, эти выстрелы были какими-то слишком торопливыми. Стало быть, нервничает?! И, по логике, сейчас он будет перезаряжать! Я рванул было вверх, собираясь подняться, но новая, шестая пуля цвикнула прямо над моей головой, вернув меня в прежнее положение.

Ого, да у сволоча какая-то хитрая винтовка, с магазином явно не на пять патронов! Звук был какой-то незнакомый, но, судя по всему, все-таки у неизвестного гада была не самозарядка.

Ладно, хрен с ним, раз так, буду воевать как есть. Кряхтя и мысленно посылая по матери тех, кто все это придумал, я пополз вперед и скоро оказался между двух елок. Последовал еще выстрел сильно выше меня. Теперь я был почти уверен, что враг меня почти не видит. Я выстрелил еще дважды. В ответ прилетело два выстрела, опять ушедшие выше меня. Потом за деревьями впереди меня началось какое-то смутное движение.

Я вскочил на колено и перещелкнул ППД на автоматический огонь и пустил в ту сторону короткую очередь. В ответ последовал один, совершенно неприцельный выстрел (все-таки не

снайпер мне сегодня встретился, ох не снайпер!), после чего я заметил впереди, между древесных стволов, мелькание чего-то белого. Положив автомат, я схватил с ящика бинокль. И все, что я успел увидеть, – метрах в двухстах или чуть больше от меня за деревьями мелькнула фигура лыжника в белом балахоне с капюшоном и таких же штанах, с палками в руках и болтавшейся поперек спины массивной винтовкой. В принципе, я совершенно верно рассудил, что с такого расстояния я в него из автомата вряд ли попаду. Так что я не думаю, что смог бы помешать неизвестному встать на лыжи и рвануть куда подальше. Да, для автомата было далеко. Если палить, то только чтобы поугадать. Но зачем на это патроны тратить?

Долго стоять на месте мне не стоило. Теперь мой общий настрой был далек от философского. Быстро нацепив на плечи вещмешок, я повесил на шею бинокль и, взяв ППД наперевес, скорым (насколько позволял снег) шагом рванул к тому месту, где я только что видел неизвестного стрелка. Я ругал себя за то, что сразу не надел белый халат (однако человека в белом могли свободно принять за белофинна уже свои), и ждал выстрелов с любой стороны, но, как ни странно, обошлось, видимо, этот маннергеймовский мазила здесь был один.

Пока я шел, заодно кое-что для себя припомнил и прикинул. Я, конечно, невеликий эксперт по зимним видам спорта, но тот же биатлон по телику иногда все-таки смотрю. Так вот, неизвестный лыжник уходил от меня практически как классический биатлонист, прямым спортивным шагом, держа палки ровно, да и винтарь (и, кстати говоря, никакого оптического прицела я на этом оружии вроде бы не разглядел) за его спиной висел тоже вполне по-биатлонному. Вы спросите – а что тут такого? А то, что финны на лыжах таким макаром в те времена не ходили, да и по сию пору вроде бы не ходят, за исключением каких-нибудь спортивных соревнований. Более того, они постоянно напоминают о своем «самобытном» стиле ходьбы на лыжах. Как этот «стиль» должен выглядеть в натуре, я, конечно, представлял себе довольно смутно, но то, что я сегодня увидел, было явно не то. И потом, на ногах у неизвестного я успел рассмотреть практически классические лыжные ботинки, а у финнов типичная зимняя обувь – пьексы, такие деревенского вида утепленные сапоги (обычно на меху, из мягкой кожи) с загнутыми под лыжные крепления носками. А точнее сказать, у пьексов на носках сверху присутствуют такие прямоугольные «наросты». Да и лыжные крепления у финнов тогда были отнюдь не спортивного типа (как, скажем, у гитлеровских, дитлевских горнолыжников), а много проще. Так что – либо по мне стрелял вовсе не финн, или я все-таки чего-то об этой войне упустил...

Потом я наконец добрался до позиции, откуда неизвестный палил в меня. Ну, правильно, свежая лыжня уходила куда-то на северо-запад (действительно, догони его, тварюгу, теперь, учитывая, что я без лыж!), а вокруг того места, где он натоптал, винтовочный затвор разбросал десяток разлетевшихся в стороны свежих стреляных гильз. Пара крайних из них еще не до конца остыла.

Две поднятые из-под ног гильзы тут же вызвали у меня сильное удивление, переходящее в недоумение. Гильзы были незнакомые, а это было уже интересно. Ведь у финнов был местный вариант нашей винтовки Мосина с таким же патроном, а у шведов – их вариант германского «маузера». То есть обе эти винтовки, с обоймами на пять зарядов, и их гильзы были мне более-менее знакомы, а здесь оказалось что-то новенькое, и по форме, и по калибру. Кстати говоря, калибр был явно 7,7 мм, на донце присутствовала латинская маркировка «ELEY380L». Ага, а ведь это Элей, Лондон, англишменский армейский арсенал! А если это так и, плюс к этому, еще и десяток выстрелов подряд – по мне явно били из чего-то типа «Ли Энфилд Mk.V», калибр 7,7 мм, магазин на десять патронов. Что тут сказать – и сама винтовка, и патроны для нее, мягко говоря, не типичны ни для финской армии вообще, ни для Зимней войны в частности. Даже учитывая каких-нибудь воевавших на стороне финнов шведских или, скажем, датских легионеров. С подобной волюной здесь мог сражаться только ну очень неправильный финн или швед.

Странно все это. И вдвойне странно, когда в тебя вместо приветствия палят из чего-то столь нетипичного. Не люблю я, когда с первых же часов начинаются проблемы и сюрпризы.

На всякий случай, положив обе гильзы в карман своей шинели, я здраво прикинул, что, судя по воспоминаниям участников этой войны, финны редко ходили поодиночке. Этот резвый мазила, похоже, понял, что ему меня не одолеть, коли уж он не положил меня первым выстрелом, а я успел залечь и начал стрелять в ответ. Именно поэтому он и предпочел не перезаряжать винтовку, а побыстрее встать на лыжи и слиться с места баталии. Слава богу, что в 1940 году еще не было достаточно компактных раций. Однако цепь его дальнейших поступков я мог представить довольно легко. Пожалуй, встретив своих, он сразу же доложит о том, что не справился и оставил кого-то (то есть меня) позади себя. И что тогда сделают финны, по самой что ни на есть элементарной логике? Правильно, они пришлют кого-нибудь подчинить за ним – выяснить, в чем, собственно, дело, и добить возмутителя спокойствия. И, чего доброго, пошлют не одного человека, а полноценный патруль из трех-четырех вояк, которые стреляют и ориентируются в этих лесах всяко лучше, чем я. А отследить меня по следам на снегу вовсе не сложно...

В общем, я решил сделать самое простое. Выходить на дорогу и с максимальной осторожностью, топтать вдоль нее до первого красноармейского поста. Ведь должно же быть у нужного мне «котла» какое-то боевое охранение? Конечно, оставался риск наступить по дороге на мину или фугас, но что тут поделаешь?

Я выбрался к дороге, по обочинам которой кое-где там и сям, торчали замеченные снегом абстрактные скульптуры, в которых с большим трудом угадывались транспортные средства или боевая техника. Похоже, все это встало прямо там, где было подбито, или отказало.

Ближе всего, метрах в ста от меня, обнаружился танк Т-26. Однобашенный, выпущенный явно после 1933 г., с повернутой вправо, в сторону леса, башней. На его корпусе уже успело образоваться нечто вроде неряшливых сугробов. Из чего можно было заключить, что машина простояла здесь не одну неделю – нижняя ветвь танковых гусениц успела уйти глубоко в снег.

Подойдя ближе, я увидел в правом борту танка две аккуратные дыры, которые укладывались в квадрат размером примерно метр на метр, между ленивцем, крайним поддерживающим катком и задней тележкой подвески. Пощупав дырки затянутым в перчатку пальцем, я оценил диаметр пробоин – миллиметров 14—15, не больше. Стало быть, точно не противотанковая пушка, у тогдашних ПТО калибр был 37—47 мм, а вот на ПТР как раз очень похоже. Пульки с жестким сердечником, броня выглядит проткнутой, и располагаются пробоины сантиметрах в тридцати друг от друга. При этом следов пожара нет, похоже, стрелок из неизвестного противотанкового ружья хорошо знал, что делает, и очень аккуратно выбил «двадцать шестерке» движок.

Люки Т-26 – и передний, мехвода, и башенный, были приоткрыты, а вот трупов ни вокруг, ни внутри танка не просматривалось. А значит, танкисты благополучно утекли. И то ладно. Ствола башенного пулемета ДТ я на привычном месте рядом с пушкой тоже не увидел. Унесли его сами танкисты, или потом сманергеймили финны – теперь уже не узнаешь.

Миновав танк, я пошел дальше. Через сотни полторы шагов наткнулся на раму, дырявое торпедо и закопченный двигатель от сгоревшей полуторки «ГАЗ-АА». Метрах в сорока перед этой машиной стоял на ободах второй точно такой же грузовик. Его тоже сумели поджечь, но у него сгорела в основном кабина. Задний борт накрытого драным брезентовым тентом кузова был откинут, и груз, похоже, унесли. Кто именно – загадка.

А слева от машин, буквально влипнув в снег, метрах в двух-трех от обочины лежало нечто, более всего похожее на три брошенных кем-то длинных серых мешка с картошкой. И только по торчащим из снега наружу характерным фрагментам, вроде спины с шинельным хлястиком, подошвы сапога или задней части головы в характерной советской каске образца

1936 г., можно было определить, что это не что иное, как давно замерзшие трупы красноармейцев в наших серых шинелях. Эх, братики-солдатики, лазоревые цветики...

Держа автомат наперевес, я потопал дальше. С максимальной возможной скоростью, которая доступна при ходьбе в валенках по успевшему слежаться снегу.

Метрах в ста впереди полуторок стоял скособоченный в придорожный снег трехтонный «ЗиС-5». Со стороны вроде бы целый, только весь в снегу. В кузове было с пяток каких-то ящиков, прикрытых брезентом. Я обошел грузовик со стороны водителя и понял, что эта машина тоже получила на орехи. В капот и кабину «ЗиСа» попали из винтовки раз семь-восемь. В заледеневшем ветровом стекле водителя было две дыры, от которых расходились во все стороны характерные фигурные трещины. Я подергал ручку кабины. Дверца открылась, и стало понятно, что получивший финскую пулю водила остался на своем месте. За баранкой сидел заиндевевший манекен в шинели и надвинутой на брови буденовке, цвет кожи которого мало отличался от окружавшего снега. Рассмотреть детали лица покойника было сложно – умирая, он склонился к рулю, да так, похоже, и застыл. Судя по дыркам на стекле, ему прилетело в грудь. Доставать его из кабины я не собирался – как-никак не похоронная команда. Однако, заметив, что застывшая левая рука покойника тянулась к боковому карману шинели, я, уж сам не знаю зачем, проверил этот самый карман и нашел там снаряженную гранату-«лимонку» Ф-1, а еще почему-то моточек стальной проволоки. Н-да, ручная граната – точно не лучшее оружие против снайперов.

Найденная проволока натолкнула меня на одну идею. Раз за мной могут наблюдать или идти по пятам, следовало что-то предпринять. Если финны действительно пойдут за мной, то они так просто не отстанут. Следопыты они, если верить тем, кто с ними воевал, неплохие, а значит, скорее всего, будут двигаться след в след и повторять все мои движения. Вот на этом и стоило сыграть. Закрыв дверь кабины, я влез на заднее колесо грузовика и откинул заиндевевший брезент, закрывавший ящики. Потом открыл верхний из них. Похоже, во всех ящиках были снаряды. Калибр стандартный, фугасные 76-мм, но какие-то непривычные, с короткой гильзой, то ли для полковой пушки, то ли для старой трехдюймовки. Ну что, натоптал я вокруг машины и в ее кузове изрядно, а значит, эти поганцы должны попробовать понять, что я здесь делал. Вот и пригодился подарок мертвого шофера – я, как смог, закрепил «феньку» среди снарядов, соединив куском проволоки кольцо гранаты с крышкой снарядного ящика. Если резко откроют – неизбежно бабахнет. Если, конечно, с гранатой на морозе не случилось чего-нибудь нехорошее и она реально сработает.

Заминировав груз «ЗиСа» подобным образом, я слез на землю и, озираясь и прислушиваясь, потопал дальше.

Двигаясь дальше вдоль дороги, я встретил еще пару брошенных после обстрела полуторок и несколько подвод с убитыми в оглоблях и застывшими в причудливых позах лошадьми. Зайдя за поворот дороги, я обнаружил уткнувшийся лобовой броней в ближайшую от дороги легкий артягач «Комсомолец» с прицепленными передком и пушкой-сорокапяткой. Люки тягача были открыты, лобового пулемета в шаровой установке не было, и, судя по всему, в самом тягаче и орудийном передке уже минимум несколько раз порылись – на снегу валялись какие-то железяки из ЗИПа и куски брезента. Среди деревьев позади тягача лежали три или четыре трупа, судя по серым шинелям и буденовкам – опять наши. При этом оружия возле них не было, как видно, уже унесли. Похоже, финны подбирали все, что плохо лежало и что можно было унести в руках, а вот более тяжелые вещи, вроде пушки или ящиков со снарядами, они пока оставляли на месте. Ну и применяемая ими тактика (в знакомом стиле никогда не дерущихся «по-честному» гопников из подворотни) была вполне понятна. Там один убитый из-за угла, там второй, чуть дальше третий, глядь – а батальона-то и нет, словно он растворился. Так они в эту войну в основном и действовали (исключение – разве что ожесточенное рубилово вокруг ДОТов на направлении главного удара), и наши не знали, что с этим делать. Поскольку

по зимнему лесу не поскачешь в сабельную атаку кавалерийской лавой и не побежишь густой стрелковой цепью за танками, как на разных там довоенных масштабных маневрах.

Из размышлений меня вывел звонко жогнувший в лесной тишине взрыв. Как раз примерно в километре за поворотом дороги, именно там, где я оставил в кузове «ЗиСа» «сюрприз». Со своей позиции я уже не видел саму машину. Но, судя по посыпавшемуся с елок снегу и оживившимся где-то в кронах деревьев воронам (до этого их гыркимкаров слышно не было), взрыв получился хороший.

Ну что, поздравляю, таки растяжка сработала. Приятно, что финны, которые вроде бы сами были большие мастера ставить в самых неожиданных местах пакостные мины-сюрпризы, сами наступили на те же грабли. И подобное им, должно быть, в диковинку. Хотя быстрота, с которой за мной увязались столь неосторожно сунувшиеся в снарядный ящик преследователи, несколько обескураживала.

Я поднял к глазам бинокль, силясь рассмотреть за поворотом хоть что-то. И, ожидаемо, там было ни хрена не видно. То есть да, без вопросов, за деревьями что-то горело. Были видны дым и короткие вспышки пламени, сопровождавшиеся противным трещащим звуком. Вроде бы там начало бабахать периодически, похоже, это один за другим детонировали в огне снаряды. Ну что, получите, раз уж лоханулись, любопытные варвары!

Рассуждая логически, с этого момента возвращаться обратно мне было себе дороже. Как говорят в таких случаях на Кавказе – зарэжут. Пока что за мной никто не шел (как видно, стихийный фейерверк на какое-то время отвлек супостатов), но, если они меня спустя какое-то время догонят – неизбежно придется принимать однозначно неравный бой с заведомо непредсказуемым результатом. Тут и вшитая в шинель броняшка, пожалуй, не спасет.

И тут, где-то впереди, как раз в той стороне, куда я шел, сквозь неряшливую канонаду стал слышен шум автомобильного мотора. Судя по отсутствию характерного звука лязгающих гусениц, это точно была автомашина или броневик. Сдвинув ремень ППД за плечо, я присел на колено и навел линзы бинокля в ту сторону.

Через минуту-другую стало понятно, что в своих предположениях я не ошибся. Подпрыгивая в мерзлых колдобинах на манер мяча, ко мне направлялся заиндевелый пикап «ГАЗ-4». Вариант «ГАЗ-А» («Форд-А» нижегородского разлива), высокие спицованные колеса, большие фары со светомаскировочными чехлами чуть ли не из мешковины, черные крылья на темно-зеленом фоне остального кузова. Насчет того, что это пикап, а не обычный «ГАЗ-А», я понял, увидев, что в кузове машины, держась левой рукой за кабину, стоит некто в буденовке, с «наганом» в правой руке. Ну и в кабине, судя по всему, были еще один или двое.

Я здраво рассудил, что, поскольку финны на фронтах этой войны на любых автомобилях не больно-то ездили (применительно к ним представляешь себе все больше лошадей и сани), это, без сомнения, свои. Если только это не какие-то ну очень хитрые финны на трофейном транспорте. Другой вопрос – чего это они вдруг катаются на категорически не бронированном транспорте там, где из-за ближайших кустов и елок стреляют не только снайперы, но еще и пэтээрщики? Бессмертные, что ли, если пуль не боятся?

На случай, если сидящий в кузове вдруг занервничает и сочтет меня вполне подходящей мишенью для своего «нагана», я вышел на дорогу, вполне миролюбиво держа ППД опущенным стволом вниз, на ремне за плечом. При приближении пикапа я начал махать рукой. Старался, чтобы это выглядело максимально приветливо.

Раздался скрип простуженных тормозов, и «ГАЗ-4» остановился метрах в двадцати от меня. Точно, в нем было всего двое – напуганная физиономия одного с трудом просматривалась за мутноватым, покрытым по контуру инеем ветровым стеклом в кабине, за баранкой, второй в кузове.

– Кто такой? – сурово и хрипловато (не иначе от простуды) спросил человек из кузова. Непосредственно в меня он не целился, но револьвер держал в поднятой руке в дуэльном

стиле – так, чтобы, в случае чего, иметь возможность мгновенно бабахнуть в меня, пусть даже и не особо прицельно.

– Свои! – выдал я на эту стереотипную реплику.

– Вижу, что свои! – последовал логичный ответ. Спасибо, что хоть в этом сомнений у него не возникло. – А к нам зачем? – тут же, без малейшей паузы, уточнил мой собеседник.

– Занадом! – ответил я ему в малороссийско-уголовном стиле, слегка раздражаясь от того, что беседа сразу же пошла куда-то не в ту сторону.

– Ну ты, шутник, твою мать! Фамилия! Звание!

– Специальный корреспондент газеты «Красная Звезда» майор Ухватов! – охотно отрекомендовался я. – Прибыл в действующую армию с целью сбора материалов для статьи! А еще у меня приказ для всех находящихся в окружении частей и отдельный срочный приказ для личного состава 301-го лыжного батальона и 13-го армейского ремонтно-восстановительного батальона!

При последних словах этот трепач с «наганом» заметно оживился.

– О-о! Тогда это вы точно по адресу, товарищ майор!

Судя по тому, что его тон сразу стал уважительным с одновременным переходом на «вы», встреча со мной вселила в него нечто вроде оптимизма. Обрадовался старшему по званию? С чего бы это вдруг? Далее мой собеседник сунул «наган» в кобуру и весьма резво выскочил из кузова тарахтящего на холостых оборотах пикапа.

При ближайшем рассмотрении это оказался молодой, не бритый минимум несколько дней парняга, одетый явно не по погоде – в перетянтом ремнем (кобура его револьвера висела в дореволюционном стиле, на отдельном, чересплечном ремешке) темном серо-зеленом ватнике, развесистых галифе серого, танкистского цвета и давно не чищенных, излишне аккуратных сапогах (по-моему, это были характерные для некоторых армейских пижонов тех времен «хромачи» индивидуального пошива – это по январскому морозу-то!). В вырезе его ватника был виден воротник серой гимнастерки без намека на подворотничок, с поддетым под низ, явно левым грязноватым свитером, на черных петлицах – танк и два эмалевых треугольника, на голове суконная буденовка с поднятыми «ушами» и звездой, кисти обеих рук то ли в грязи, то ли в копоту. Ну, блин, все прямо как в еще не написанной здесь песне, и на пикапе, и с «наганом»...

Поскальзываясь в колеях и ямах зимней дороги, неизвестный сержант подошел ко мне вплотную. Я попытался поймать его взгляд, не очень понимая, куда он вообще смотрит? Косоглазие у него, что ли? А потом наконец понял, что с особенным интересом он пялился вовсе не на меня, а на мой ППД. Ну да, здесь такие машинки были еще в диковинку.

Я молча сунул ему в нос извлеченное из кармана гимнастерки служебное удостоверение. Он даже не взял его, бегло глянув на документ прямо из моих рук, из чего я сделал вывод о том, что к разного рода бумажкам сей невеликий чин относился не шибко уважительно. Потом сержант козырнул по-уставному и представился:

– Младший командир Воздвиженский! 28-й отдельный танковый батальон!

Отрекомендовавшись не по званию, а в соответствии с занимаемой должностью, он показал себя человеком, несомненно, уже послужившим в РККА. Может, сверхсрочник?

– Вы чего на своей машине раскатываете, товарищ младший командир, прямо как по Тверской? По-моему, тут у вас как-то слишком шумно и весело – стреляют вон чуть ли не из-за каждого дерева!

– Кстати, а кто это стрелял и что за взрывы? – уточнил Воздвиженский с нешуточной тревогой.

– Да тут за мной, пока я в вашу сторону вдоль дороги шел, кажется, финны увязались. Стреляли. А взрывы потому, что я там, по пути, подбитую грузовую машину со снарядами слегка заминировал, и они на это попались.

– Чем заминировали? – заметно удивился Воздвиженский.

– А ручной гранатой, – охотно пояснил я, одновременно видя, что, похоже, ни хрена он о подобном нехитром способе минирования не знает. Зачем тогда вообще спрашивал?

– И сколько было шюцкоровцев? – тут же задал следующий вопрос мой собеседник.

Кого-кого? Я чуть было не высказал это свое удивление вслух, не сразу поняв, кого он вообще имеет в виду. Потом до меня дошло. Блин, ну да, как же, весьма употребительный во время той войны газетный термин! По идее, «Шюцкор» у финнов – это нечто вроде ОСО-АВИАХИМа, такая самооборонная военизированная организация для подготовки резервистов, в Первую мировую подобных им вояк именовали уничижительными терминами вроде «железные мухи». Зато фразы типа «перепившиеся шюцкоровцы» или «банда шюцкоровцев» звучат красиво, непонятно и где-то даже угрожающе, а это самое главное для газетчиков, особенно советских.

Я мог бы сказать, что финнов было отделение или даже взвод, но решил, что лучше не врать до такой степени.

– Думаю, их было не меньше двух-трех. Так все-таки почему вы налегке?

– Да решили посмотреть, что здесь происходит. На танке ехать долго, да и заводятся они на таком холоде через раз.

Ну-ну, хорошо, что у них тут хоть что-то вообще заводится...

– Рисковый вы человек, товарищ Воздвиженский! Ладно, считайте, что вы все выяснили. Соваться дальше по дороге я вам однозначно не советую. А теперь лучше поедем напрямик к вашему командованию, чего мы встали!?! А то эти шюцкоровцы очухаются и набегут сюда всем скопом!

– За мной, товарищ майор! – пригласил Воздвиженский. При этом я успел обратить внимание, что при слове «командование» в его глазах появилась некая безнадега, переходящая в испуг. Интересно почему?

– Федор, разворачивайся! – приказал младший командир своему шоферу после того, как мы с ним запрыгнули в малогабаритный пикаповский кузов. «Газик» с трудом развернулся на обледенелой лесной дороге и наконец поехал восвояси, медленно набирая скорость.

Слава богу, вслед нам никто не стрелял. Во всяком случае – пока. А вот сказать, что у «ГАЗ-А» и машин на его базе была жесткая подвеска – значит не сказать ничего.

По сторонам дороги потянулся все тот же не шибко веселый пейзаж – снег, ели и сосны, местами разбавленные лиственными деревьями вроде берез (ну да, здесь же Карелия) и одна за другой, брошенные на обочинах замеченные снегом тентованные грузовые машины с пулевыми пробоинами в кабинах и кузовах. Я насчитал с десятков «ГАЗ-АА» и «ЗиС-5» и еще пару сгоревших до полной обезлички (марку можно было определить разве что по рамам) грузовиков. Мертвые автомашины чередовались с торчавшими из снега дохлыми лошадьми (некоторые лошадиные туши были «не целиком» – явная работа хищников – волков или чего-то подобного) и подводами (некоторые телеги были опрокинуты набок). Не иначе как для разнообразия, среди прочего в двух местах попались похожие на сугроб танк Т-26 и гусеничный трактор СТЗ-3 с передком и похожей на поставленную на колеса от сельской брички толстую водопроводную трубу со щитом 122-мм гаубицей старорежимного образца (а если точнее – обр. 1910/30 гг.) на буксире. А вот людских трупов вокруг я что-то не заметил. Во всяком случае, в глаза они не бросались. Или, может, их успело снегом занести?

Когда мы проехали, наверное, с километр, я услышал где-то впереди нас стук и тархтение не слишком мощного двигателя, сопровождаемые лязгом гусениц. Посмотрев вперед, я увидел направляющийся напрямик навстречу нам маленький, кое-как измазанный водорастворимыми белилами плавающий танк Т-37, из открытого башенного люка которого выглядывала чья-то голова в черном ребристом шлеме.

Во как! Оказывается, не такие уж они тут и дураки, раз все-таки, на всякий пожарный случай, пустили по горячим следам машинки танчик. Выходит, соображают, а значит, не все еще потеряно.

Завидев наш пикапчик, товарищи танкисты остановились, после чего резко развернулись на месте и на всех парах припустили обратно, опережая нас. Возможно, мои комплименты насчет сообразительности были все-таки преждевременными – чувствовалось, что в тактике и стратегии здешние окруженцы были не особо сильны. По логике, этим танкистам следовало пропустить «ГАЗ-4» вперед, а уже затем следовать за нами, прикрывая отход от разных возможных сюрпризов, – как-никак у них противопульная броня и пулемет ДТ в башне. А они до этого не доперли либо сочли, что никакой опасности нет.

Потом за толстыми деревьями, по направлению нашего движения, замаячили темные коробки машин. А спустя пару минут я увидел сваленные по обеим сторонам дороги, изрядно занесенные снегом стволы нескольких торопливо и неряшливо спиленных елей и сосен, образовавшие нечто вроде брустверов. Из-за этих самых брустверов торчали штыки трехлинеек, которые трудно с чем-то спутать, и небритые лица нескольких бойцов в характерных касках образца 1936 года. У некоторых из них поверх шинелей были импровизированные накидки и маскхалаты, как я понял, из простыней или чего-то похожего. Справа из-за бруствера выглядывали щит и ребристый кожух ствола, неряшливо побеленного, станкача всемирно известной марки «максим».

Стало быть, периметр они здесь более-менее держали. Однако при этом ни танк, ни наш пикап не были остановлены при проезде через этот «кордон». Засевшие за бревнами красноармейцы даже не посмотрели в нашу сторону. Видимо, здесь руководствовались все той же нехитрой логикой – чужие здесь не ездят, и баста. Бинобль я заметил только у одного из бойцов, а значит, наблюдали они за местностью исключительно визуально. При этом расстояние до ближайших от поста деревьев было таково, что ночью оттуда запросто можно было забросать сидевших за бревнами красноармейцев ручными гранатами. Если только они тут уже не пристреляли основные ориентиры заранее.

Миновав это кустарное боевое охранение, мы поехали дальше по дороге. Точнее сказать, здесь во все стороны от дороги, расходились по снегу оставленные колесами и гусеницами колеи, отчего она становилась несколько невнятной. Чувствовалось, что в какой-то момент техника торопливо и хаотично (возможно, кто-то отдал неожиданный приказ срочно рассредоточиться) разъехалась вправо и влево. И теперь и на обочине дороги, и прямо посреди леса, насколько хватало глаз, стояли грузовые автомашины. В большинстве своем столь же замерзшие и заброшенные, как и те, что остались на дороге за боевым охранением. «Парковались» водители этих грузовиков так, словно были, культурно выражаясь, сильно нетрезвы или куда-то сильно торопились (а может, они вдобавок делали это ночью). По крайней мере, я успел заметить минимум один «ЗиС-5», явно с разгона въехавший в задок другой однотипной машине. Причем с хорошего разгона – у первой трехтонки был качественно смят передок, а у второго треснул задний борт. Так что, похоже, я рано обрадовался. Особого порядка тут явно не было.

Между тем наш пикап, следуя за Т-37, пару раз повернул между деревьев и заснеженных машин, выехав на поляну, где в живописном беспорядке стояло два десятка машин и несколько танков. Нет, то есть здесь все-таки пытались соблюдать видимость организованности, поскольку даже попытались выстроить машины полукругом. Но, в итоге, они все-таки стояли на приличном и разном расстоянии друг от друга, как передом, так и задом к центру. Так что «Вагенбург» получился довольно неряшливый.

Я обратил внимание на три трехосных «ГАЗ-ААА» и четыре полугусеничных «ГАЗ-60», возле которых целенаправленно возились люди в ватниках и ватных штанах. У пары машин тарахтели прогреваемые двигатели – слава богу, хоть что-то из здешней техники сохранило способность двигаться. Здесь же горело три костра, возле которых с отрешенным видом гре-

лись с десятков бойцов. Над огнем висели закопченные ведра, в которых калилась снеговая вода, надо полагать, прежде всего для радиаторов и пулеметов. На снегу поодаль чернело несколько свежих воронок небольшого размера – более всего это напоминало отметины от минометных мин небольшого калибра. Обстреливают их тут, что ли?

Кое-как закамуфлированных «под зиму» танков было всего пять – два Т-26 (один двухбашенный, второй образца 1938 года, с конической башней и поручневой антенной), один Т-38 и пара Т-37. Ехавший впереди нас Т-37 оказался в этой компании шестым. В боевых отделениях и башнях обоих Т-26 возились четверо танкистов в шлемах, ватниках и валенках (у двоих из них фуфайки и ватные штаны были поддеты под великоватые комбинезоны). Возле мелких «поплавков» (не считая условно сопровождавшего нас танка) не было никого, хотя их башни и люки меховодов были накрыты брезентом, наверное, чтобы снег не попадал.

При этом танки тоже стояли более чем не оптимально – выстроенными тупо в одну линию и на минимальном расстоянии друг от друга. При таком раскладе артиллерийский или минометный обстрел мог одним попаданием вывести из строя пару машин за раз. Умный человек первым делом растащил бы танки по периметру удерживаемого пространства, с наиболее выгодными секторами обстрела, для верности еще и окопав их. Но здесь в приоритете явно была возможность быстро завести танки.

Чуть в стороне за танками я разглядел разрисованную широкими белыми полосами по зеленому фону бронемашину БА-20 и действующую походную кухню на высоких спицованных колесах. Ну то есть как действующую – судя по наличию чумазого кашевара и дыму из высокой жестяной трубы, кухня топилась, но вот понять – варилось ли в ней что-нибудь, кроме кипятка, было невозможно. Во всяком случае, какие-либо специфические ароматы, сопутствующие варке супа или каши, в окружающем морозном воздухе отсутствовали. При виде нашей недлинной кавалькады из-за машин начал выглядывать небритый народец в серых шинелях, подшлемниках и буденовках. Как бы местный личный состав не сбегался на «летучий митинг». А финны, чего доброго, засекут это стихийное шевеление и дунут из минометов, так что мало никому не покажется.

Наконец ехавший впереди нас Т-37 вильнул влево и остановился кормой к нам (при этом его экипаж не очень-то торопился вылезать из-за брони наружу, возможно, из-за работающего двигателя в боевом отделении «пловунца» было тепло), а мы остановились в самом центре «Вагенбурга», где стояли семь автомашин с угловатыми самодельными деревянными будками вместо кузовов (времена стандартных КУНГов еще не наступили) и один санитарный фургон с красно-белыми крестами на дверях и крыше (по-моему, это был «ГАЗ-55») – два «ГАЗ-АА», остальные «ЗиС-5». При этом определить с ходу предназначение большинства фургонов я, откровенно говоря, затруднился.

Объединяло все эти фургоны одно обстоятельство – все они (кроме «санитарки») были украшены нетолстыми, выведенными наружу через борта или крыши печными трубами, из которых тянуло дымком. Удивили меня и сложенные возле машин солидные поленья дров, наколотых слишком аккуратно для экстремальных условий окружения. Я сильно озадачился, поскольку не смог припомнить, чтобы хоть у кого-то из тех, кто тогда сидел в различных зала-дожских «котлах», было время на валку леса и, тем более, на превращение его в поленья.

Когда мы вылезли из пикапа, водитель тут же отрулил верный «ГАЗ-4» куда-то в сторону, и сержант Воздвиженский вопросительно посмотрел на меня.

– Для начала соберите комсостав! – отдал я вполне логичное распоряжение. В первый момент следовало хотя бы понять, кто тут вообще «командует парадом» и как мне с ними разговаривать. А остальное додумается уже по ходу пьесы.

– Так точно! – ответил сержант. Козырнул и побежал вдоль машин, а потом залез в один из фургонов.

Я снял вещмешок, поставив его на снег. Осмотрелся. Вокруг ощутимо отдавало безнадегой. Похоже, стихийный интерес к нашему приезду угас столь же быстро, как и возник. Все занимались своими делами. Вызванная мной канонада от рвущихся в огне снарядов сюда то ли не доходила, то ли уже прекратилась. В конце концов не так уж их там было и много, этих самых снарядов. В лесу взрывались прогреваемые моторы грузовиков, танкисты продолжали греметь железками внутри Т-26, общаясь между собой в основном при помощи ненормативной лексики.

Через пару минут Воздвиженский, жуя что-то на ходу, выскочил из фургона на мороз и почти бегом вернулся ко мне.

– Сейчас все придут, – сообщил он и пригласил в ближайший фургон на шасси «ЗиС-5»: – Залезайте, товарищ майор!

Вслед за ним, по трем ступенькам узкой деревянной лесенки, я влез в единственную кормовую дверь этого «ЗиС-5». Похоже, эту обитую снаружи жестью будку сваяли из струганных досок и брусьев армейские ремонтники. Потолок фургона оказался достаточно высоким, позволявшим стоять в полный рост, изнутри стенки были аккуратно покрашены белой, приобретшей заметный желтоватый оттенок масляной краской. Проникавшего через два небольших боковых окошка с отдернутыми в данный момент плотными темно-серыми занавесками (светомаскировка, что ли?) дневного света было явно недостаточно, и Воздвиженский немедленно зажег стоявшую на столе керосиновую лампу. Сразу стало видно больше подробностей – покрытый черным кузбаслаком пол, стоявшую в углу фургона на листе толстого железа печку-буржуйку с выведенной наружу трубой и сваленную поодаль охапку поленьев. Печка топилась, видимо, уже давно, отчего в машине было тепло. Ну а предназначение этого фургона было явно штабное. Справа к стенке кузова был прибит сколоченный из широких досок длинный стол. Кроме керосиновой лампы, в углу стола стояла пишущая машинка в пыльном матерчатом чехле (похоже, ею здесь давненько не пользовались). Тут же лежала финская листовка – пропуск в плен с заголовком «Через плен к свободе!» (несколько неожиданно – трофей или же кто-то в лесу подобрал?), довольно странно соседствовавшая с висящими на противоположной стене фургона элементами «наглядной агитации и пропаганды». Там, над цветной картой мира (такие обычно вешали в школьных кабинетах географии), увенчанной написанным на полосе ватмана красной гуашью лозунгом «Коммунизм сметет все границы!», чуть укоризненно смотрели на меня небольшие фотопортреты Сталина, Молотова и Ворошилова (как и положено локальному божеству, товарищ Сталин висел чуть выше уже бывшего Наркома обороны и Наркоминдела) в деревянных рамочках. Из мебели в фургоне было только несколько прибитых к стене практически пустых полок (только на одной из них я заметил красный том каких-то «Избранных произведений» В. И. Ленина и почему-то толстую, коричневую «Педагогическую поэму» А. Макаренки) и штук шесть расставленных по полу в живописном беспорядке табуреток, окрашенных в ядовито-зеленый цвет, каким в советские времена часто красили стены в казармах и иных казенных учреждениях.

Войдя, я кинул вещмешок в угол, положил автомат, планшет и бинокль на стол и, найдя прибитый к стене клювик металлической вешалки, с удовольствием разделся (не хватало лишь один раз потеть – потом на таком морозе простыть как не фиг делать). Повесив шапку и шинель на стенку, я перепоясался ремнем с револьверной кобурой и уселся на стоявшую в голове стола табуретку.

Воздвиженский с заметным интересом уставился на значок за Халхин-Гол на груди моей гимнастерки, потом снял буденовку, пригладил прическу, но так и не успел сказать мне даже пары слов – снаружи раздался требовательный стук в дверцу фургона.

– Влезайте! – разрешил Воздвиженский как-то буднично.

Повторного приглашения не потребовалось, и, напустив внутрь изрядное количество морозного воздуха, в фургон влезли четверо. Трое в шинелях и один в нетипичном маскхалате, состоявшем из белых штанов и куртки.

Два не слишком опрятных мужика имели по старшинской «пиле» (то есть по четыре треугольника) на красных, пехотных петлицах своих шинелей и гимнастерок. Оба были давно небритые и осунувшиеся, с красными от недосыпа глазами. Один был постарше и грубее лицом (ну явный старшина-сверхсрочник), в надетом на манер лыжной шапочки подвернутом выше ушей подшлемнике грубой вязки с несколькими разнокалиберными дырками, второй молодой и блондинистый – в буденовке с опущенными ушами, благодаря которой он чем-то напоминал то ли Павла Корчагина, то ли Мальчиша-Кибальчиша со старых книжных иллюстраций.

Интересно, что третьим (а точнее, третьей) в эту компанию затесалась женщина. Молодая, несколько полноватая (ну, если вспомнить мировые стандарты красоты тех лет, это можно считать не за минус, а скорее за плюс), но вполне себе ничего сероглазая шатенка со стрижкой под довольно короткое каре до шеи, в явно неуставной черной шапке из какого-то черного меха (больше всего этот головной убор напоминал классическую кубанку с бордовым атласным верхом, но без крестообразно нашитой сверху тесьмы и без звезды), белых бурках и пошитой, видимо, на заказ у хорошего портного командирской шинели (застежка на «женскую» сторону, а сама шинель несколько укороченная и приталенная, на манер то ли пальто, то ли кафтана). Обязательного для ее коллег поясного ремня с исцарапанной нагановской кобурой у дамочки не было. Без оружия разгуливает, так, словно не на фронте и не в окружении находится? Думает, что ее, в случае чего, убивать не будут? Так пуле точно все равно. Это она, на мой взгляд, совершенно зря расслабилась. Личико у женщины было припухшее и измученное, а на зеленых петлицах ее шинели было три эмалевых кубика и эмблема в виде змеи с чашей. Стало быть, медик – военврач или военфельдшер.

А вот четвертый тип, в маскхалате и поддетом под него свитере (одного цвета с венчавшей его голову серой лыжной шапкой), судя по всему, был одним из тех, кто был мне нужен, то есть Кюнстом. Его обветренное лицо, по контрасту с остальными присутствующими, было бритым (или у таких, как он, щетина вообще не растет?), этаким усредненно-славянским, как пишут в полицейских ориентировках «без особых примет». Ладно. Это даже хорошо, что мне не пришлось их долго искать.

Все четверо влезли в фургон, чинно сняли головные уборы и молча расселись вокруг стола, вопросительно уставившись на меня. Присел на табурет и Воздвиженский. В тепле от них сразу же завоняло махрой, очень давно не мытыми телами, несвежей одеждой и оружейной смазкой. В сочетании с ароматом горевших в печке дров не то чтобы приятно, но терпимо. Спасибо, что обувь не сняли.

– Здравствуйтесь, товарищи командиры! – выдал я казенную, вполне обычную в таких случаях фразу. Хотя «командиры» – это в данном случае было сказано слишком сильно.

– Здравсь! – нестройно отвели простуженные голоса «товарищей командиров».

– Ну и кто у вас здесь командует, товарищи дорогие?

– А разве не вы, товарищ майор? – вдруг ответил вопросом на мой вопрос тот самый угрюмый и немолодой старшина.

Вот это, блин, номер! Я ожидал услышать что угодно, но только не это, поскольку как-то не собирался принимать командование над кем-либо. Но мало ли какие варианты возникают в жизни, а особенно на войне? Да и что я знаю о психологии людей тех времен? Ведь вот они бы точно не поняли очень многое из того, что происходит у нас. Простой пример из этого разряда – в моем родном Краснобельске недавно один пьяный мужик взял да и зарезал другого, на его же кухне. Дело для наших времен вроде бы вполне житейское, одно слово – «бытовуха». Но один маленький нюанс – при этом присутствовал вполне себе здоровенный, не то пятнадцати-, не то шестнадцатилетний сыняра убиенного. И догадайтесь, что делал этот идиот в момент,

когда собутыльник раз за разом втыкал лезвие ножа меж ребер его ненаглядного папули? Правильно – он тупо снимал процесс на телефон! Не попытался вмешаться в драку и помешать смертоубийству или хотя бы вызвать по тому же мобильному полицию и «Скорую», а просто снимал!! То ли настолько не любил папашу, то ли просто идиот по жизни. Менты и судмедэксперты были от всего этого в полном ахере, хотя следствие и получило таким образом «железные доказательства» преступления. Как поступил бы в аналогичной ситуации человек середины прошлого века, я не могу сказать (хотя мобильных телефонов тогда, слава богу, еще не было, и по этой причине снимать он не мог), но он точно не стоял бы просто так и не смотрел.

И опять-таки это у нас там, в следующем веке, принято плевать на любого начальника (поскольку, похоже, уже в генотип заложилась установка о том, что все начальники воры и уроды и всегда, все, всем и обо всем врут, и, увы, далеко не всегда подобные суждения несправедливы), а здесь все вовсе даже наоборот. Простой советский человек из 1940-х годов, хоть заводской работяга, хоть колхозник, хоть боец РККА, привык верить и власти, и начальникам, даже несмотря на «отдельные перегибы на местах». А значит, со стороны я для них – вполне себе большой начальник, с двумя шпалами на петлицах и нагрудным знаком за недавние боевые действия (пусть и происходившие на другом конце Евразии), на которого очень удобно перевести стрелки в критический момент. Собственно, в любой армии мира и в любые времена принято думать, что командир (или председатель колхоза, или директор, или партийный секретарь, ненужное зачеркнуть) всегда (ну или почти всегда) клинически прав и мудр, причем чем выше он по чину, тем он «правее». Вот и эти четверо (Кюнст, понятное дело, не в счет, я даже боюсь предполагать, чего такие, как он, могут думать на самом деле – в тот момент он вполне мог прикидывать, как ему, к примеру, быстрее и проще всего вырубить или убить всех, кто собрался в фургоне) считают, что старший по званию, то есть в данном случае я, точно знает, что делать. Не скажу, что это есть гут – ведь сколько раз потом, уже в трагические 1941—1942-е, люди с очень большими шпалами, ромбами и звездами отдавали противоречившие элементарной логике команды и рулили откровенно не туда? Хотя в этом-то смысле все еще впереди.

– Вот даже как? – не стал я скрывать свое удивление и тут же уточнил кое-что насчет себя: – Конечно, я на Северо-Западный фронт прибыл прямиком из братской Монголии, где прошлым летом, во время боев с самураями, повидал всякого. Но я не ожидал, что вот так, с места в карьер, мне придется кем-то командовать?! Хотя если вы настаиваете... В любом случае для начала представлюсь. Я – майор Ухватов, военный корреспондент газеты «Красная Звезда». Здесь по заданию редакции, прямиком из штаба армии. А вы кто такие?

Сказав это, я продемонстрировал собравшимся свое раскрытое служебное удостоверение. По их лицам промелькнула тень некоторого разочарования, поскольку теперь выходило, что я вовсе не строевой командир, а всего лишь журналист, так сказать, «чернильная душа». А с другой стороны – в РККА тогда более чем хватало разных, выдернутых с «гражданки» по какому-нибудь «партнабору» командиров и политработников аж с целыми двумя классами церковно-приходской школы и без малейшей военной подготовки. Так что со мной им еще, считай, повезло.

Собравшиеся молча переглянулись.

– Замкомвзвода Гремоздюкин! – представился наконец немолодой старшина. – Первая рота второго батальона 57-го стрелкового полка!

Вот же дал бог фамилию...

– Замполитрука Бышев! – отрекомендовался блондинчик, на рукаве шинели которого я только сейчас рассмотрел красную звезду политработника, и торопливо добавил: – Комсорг второго батальона того же полка!

– Старший военфельдшер Феофилова, – представилась женщина. – 466-й автохирургический отряд.

– Сержант Смирнов, – сказал каким-то излишне бесцветным голосом предполагаемый Кюнст, – 301-й лыжный батальон, разведвзвод.

Ну вот, считай, и познакомились...

Блин, это что же у них тут такое произошло, раз дошло до того, что в лавке остались даже не Ваньки-взводные, а их заместители?! Единственное исключение – фельдшерица, но эта явно не в счет, она тут, по-моему, вообще не при делах – похоже, просто застряла по дороге из пункта А в пункт Б, да и все.

– Что, и никого старше вас по званию нет?

– Эх, товарищ майор... Четыре дня назад еще были, – ответил Гремоздюкин (видимо, за старшего здесь был именно он), уточнив с предельно трагической интонацией: – Лейтенант был и политрук.

– И где они?

– Там, откуда никто не возвращается, товарищ майор. Убитые. Белофинны, они, товарищ майор, в первую очередь командиров отстреливают.

– Понятно, – сказал я, хотя на самом деле мне все еще было ни хрена не понятно.

Повисла пауза с трагическим оттенком.

– Так, – сказал я. – Если вы, дорогие товарищи, действительно просите меня принять командование, я для начала должен знать хотя бы кем и чем собираюсь командовать?

Похоже, это наконец озвученное мной согласие несколько разрядило обстановку. Во всяком случае, в потухших было глазах собравшихся опять появилось что-то, отдаленно похожее на оптимизм. А затем заговорил Гремоздюкин.

В общем, из его доклада я понял, что здешнее войско невелико. Всего их тут осталось сто семьдесят девять относительно активных штыков. Восемьдесят семь из них – из разных рот 2-го батальона того самого 57-го стрелкового полка, плюс военфельдшер с пятью своими людьми (включая двух санитарок и водителя), остальные – шофера из разных автотранспортных подразделений, ездовые из обозов, танкисты из 28-го отдельного танкового батальона. Сюда же входили и искомые мной несколько человек из 301-го лыжного батальона и 13-го армейского ремонтно-восстановительного батальона.

По словам хмурого замкомвзвода, еще полторы недели назад людей было почти вдвое больше. Ну и, как он уже сказал до этого, были и командиры с политработниками.

Из техники в «котле» застряли шестьдесят восемь грузовых автомашин и три легковые. Из этого числа на ходу оставалось лишь десятка полтора, не считая фургонов, в одном из которых мы как раз заседали. Гужевые подводы, несколько десятков которых тоже застряло в «котле», по его докладу, теперь можно было вообще не учитывать, поскольку еще недели две назад была утрачена последняя обозная лошадь.

По словам Гремоздюкина, большинство обозников и шоферов были так называемые «приписники», то есть люди, совсем недавно призванные из запаса, которые при первой же опасности (то есть в момент, когда по ним начали стрелять из засад) растерялись и оставили вверенную технику без присмотра. Многие просто бросили оружие и побежали куда глаза глядят, но убежали, судя по всему, недалеко – их заледеневшие тела сейчас все еще находят среди окрестного леса. Из-за безалаберности водителей у большинства машин замерзли двигатели и полопались радиаторы, из-за чего сдвинуть их с места теперь было невозможно, разве что на буксире, причем желательно за трактором. Но, при всем при этом, здешним окруженцам все-таки крупно повезло, поскольку в основном грузом этих автомашин и подвод были продовольствие, дрова, железные печурки и палатки для развертывания тылов. И только благодаря этому они здесь еще «окончательно не околели», как выразился тот же замкомвзвода. Сказано было грубо, но, видимо, это была чистая правда.

Из бронетанковой техники сохранилось два танка Т-26, двухбашенный и однобашенный, оба на ходу, четыре Т-37 плюс один Т-38 (постоянно на ходу поддерживалась пара из них,

остальные, при необходимости, тоже вполне можно было завести, но на прогрев двигателей требовалось время) и броневик «БА-20» (тоже на ходу) – все из 28-го отдельного танкового батальона.

– Надо будет, заведем все, товарищ майор! – чуть ли отрапортовал в этом месте младший командир Воздвиженский, видимо, имевший самое непосредственное отношение к этому самому 28-му ОТБ. – Только у нас на плавающие танки полных экипажей не наберется!

Ну, блин, герои-танкисты, все как всегда. Завести-то они свои коробки, допустим, заведут, а вот кто на них поедет – это уже другой вопрос. Впрочем, я уже не удивился, что и танкистами здесь командует всего-навсего сержант.

Дослушав монолог Воздвиженского, Гремоздюкин уточнил, что танки оказались тут в общем-то случайно, поскольку в момент, когда белофинны, как он изволил выразиться, «поперли из всех щелей» и перерезали дорогу, их экипажи, с помощью ремонтников из 13-го АРВБ, устраняли какие-то мелкие поломки, находясь на этой самой поляне.

Из артиллерии в «котле» оказалась всего одна полковая пушка образца 1927 г. с полусотней снарядов. Кроме того, наличествовало четыре станковых пулемета «максим», девять ручных ДП, три снятых с подбитых и брошенных танков ДТ и одна максимовская счетверенка М-4 на грузовой автомашине (что-то я тут ее пока не видел). К пулеметам имелось по паре-тройке боекомплектов, имея в виду снаряженные ленты и диски. У остальных бойцов было по 50—100 патронов на человека. Плюс имелся некоторый запас винтовочных патронов в цинках, по словам Гремоздюкина, примерно четыре тысячи штук. Самозарядных винтовок всего несколько штук, в основном вооружены мосинскими трехлинейками, плюс «наганы» у танкистов и младшего комсостава. Автоматов нет, ручных гранат тоже практически нет.

Ну да, как говорил дедушка Ленин, социализм – это учет. Учет у них был на должном уровне, а вот все остальное...

– И какие вам ставили боевые задачи? – спросил я Гремоздюкина, дослушав его рассказ, заставивший думать, что, скорее всего, он был заместителем командира хозяйственного, а вовсе не стрелкового взвода.

Как выяснилось, 57-й стрелковый полк выдвигали по этой дороге «для охраны коммуникаций 18-й стрелковой дивизии», и это все, что успели довести до сведения его рядового и сержантского состава. Однако сама дивизия с приданной танковой бригадой успела уйти далеко вперед, где их в итоге и взяли в два больших «котла». А шедший следом за ними прямым ходом в «мешок» относительно малочисленный арьергард и тыловые подразделения финны без особого труда рассекли на части, тормознули и взяли в колечки вдоль этой чертовой дороги, образовав несколько мелких «котлов».

Что сейчас происходит в 18-й дивизии, здесь никто не знал уже давно. По крайней мере, именно так утверждал Гремоздюкин. Оставшиеся «на хозяйстве» после поголовной гибели всего комсостава старшины и сержанты в свалившейся на них критической ситуации ориентировались слабо. У меня сложилось впечатление, что они от всего этого тупо впали в ступор. Нет, то есть умирать или сдаваться в плен, конечно, не хотел никто из них, но и только-то. В остальном они, видимо, полагали, что, если финны не станут особо активничать (поскольку на этой лесной дороге и других целей хватало), «как-нибудь пронесет». Пока командиры были живы, от них «сверху» постоянно требовали разблокировать дорогу, и они отдавали соответствующие приказы подчиненным, вследствие чего окруженцы раз за разом посылали людей на разведку и даже пытались вести наступательные действия. Это, разумеется, не дало ничего, кроме ничем не оправданных потерь. Таким образом, сейчас никого старше по званию, чем я и военфельдшер Феофилова, здесь действительно не было.

– Доложите обстановку поточнее! – потребовал я от Гремоздюкина, достав из планшета карту, которую немедленно разложил на столе.

– А чего докладывать-то, товарищ майор? Все хреново. Сами же видите!

И опять он меня не удивил.

– И все-таки? – решил настоять я. – И пока я попрошу вас не делать каких-либо выводов!

Как мне показалось, с трудом воздерживаясь от семиэтажных матюгов, мрачный замком-звезда продолжил рассказ. По его словам, они все еще держатся только благодаря появлению здесь пять дней назад троих «ребят из 301-го лыжбата» (то есть Кюнстов) с их СВТ. По словам Гремоздюкина, эти «просто золотые» ребята обучены стрелять очень точно (ну еще бы!), в том числе в темное время суток и на звук. И это при том, что винтовки у них без оптических прицелов и прочих приبلуд! Именно из-за того, что эти трое лыжников постоянно сидели в секретах по периметру «котла», и, глядя на них, кое-чему научились и некоторые другие красноармейцы, финны в последние несколько дней перестали соваться в ближний бой, предпочитая обстреливать «котел» издалека, из стрелкового оружия (видимо, из снайперских винтовок) и минометов.

– И сколько противника против нас? – уточнил я, специально сказав не «вас» а «нас», типа я уже командую, пусть утешатся. – Точную цифру назвать можете?

– Товарищи командиры до своей гибели подсчитали, что вдоль этой чертовой дороги не только против нас, но и против еще двух или трех окруженных частей действует до двух батальонов белофиннов, никак не меньше. Воюют шюцкоровцы мелкими группами, нападают всегда неожиданно, хорошо маскируются. Почти всегда передвигаются на лыжах. Вооружены автоматами, винтовками, ручными пулеметами и гранатами, запас боеприпасов не ограничен. Очень умело ставят мины, как правило – противопехотные. При необходимости без колебания вступают в рукопашный бой, поскольку хорошо владеют холодным оружием. Наблюдают за нами, похоже, круглосуточно. Артиллерии у белофиннов поблизости, судя по всему, нет, только минометы. Максимум – батальонные. Мин, при необходимости, не жалеют.

– Что еще можете добавить по сути дела?

– Мы, товарищ майор, сидим в «котле» посреди этого сраного, бескрайнего леса, обозначенного на картах как Кууромется, третью неделю, вот и вся суть, – сказал Гремоздюкин, почесав давно не стриженный и не мытый затылок. Но потом он все-таки продолжил: – Вот тут, – ткнул он почерневшим то ли от мороза, то ли от копоти костров пальцем в карту: – Практически рядом, километрах в трех по этой самой дороге Метсатие, на юго-запад от нас, еще держится другой «котел», побольше нашего, там вроде бы еще живы кто-то из штаба одного из батальонов 57-го и соседнего, 149-го стрелкового полков, и даже кто-то из полкового политотдела. Плюс к этому, там должно быть никак не меньше роты танков, как из состава нашего, 28-го, так и 208-го отдельного танкового батальона армейского подчинения. 208-й танковый батальон оснащен быстроходными танками БТ, и он направлялся то ли для ввода в прорыв, то ли для пополнения приданной 18-й стрелковой дивизии танковой бригады. Людей там много больше чем у нас. Но и давят их сильнее, чем нас. Поэтому, к примеру, раненых у них до фига.

– Кстати, что у вас с ранеными? – задал я резонный вопрос и уточнил: – Вопрос конкретно к медицине.

– Сейчас раненых шесть человек, – доложила фельдшерица (голос у нее оказался на удивление приятный). – Все легкие. Плюс несколько десятков бойцов имеют обморожения, в основном лица и рук, или сильно простужены. Медикаментов и перевязочного материала почти нет. Именно поэтому тяжелораненые умирают, так как у нас нет возможности ни оказать им квалифицированную помощь на месте, ни эвакуировать их.

– Понятно, – сказал я. – Спасибо, товарищ военфельдшер. То есть все вы формально подчиняетесь каким-то еще уцелевшим командирам из штаба вашего 57-го стрелкового полка?

– Формально – да, это вы в самую точку, товарищ майор, – не стал спорить со мной Гремоздюкин. – Но связь очень плохая, ее, считайте, совсем нет, – сказал он и тяжело вздохнул. – Посылать связных на верную гибель не хочется. Вначале вообще пытались, как на учениях, верховых с пакетами посылать, так человек десять не вернулось, и бойцы, еще до того, как все

лошади передохли, от этого отказывались наотрез, даже если товарищи командиры им трибуналом грозили. Танк или броневик каждый раз гонять накладно, поскольку горючего у нас осталось маловато. Остается радиосвязь, но наши танковые радиостанции на морозе работают хреново, да и аккумуляторы при такой холодыре быстро разряжаются «в ноль». Когда удастся связаться с начальством – ничего конкретного не слышим. Из соседнего «котла» повторяют только один и тот же приказ «держаться любой ценой», якобы «помощь идет», но реально никакой помощи как не было, так и нет. Примерно то же самое передают и из штаба армии. А как держаться, если из жратвы одна крупа да перемерзшая конина, да при этом та же крупа до сих пор не закончилась только лишь из-за больших людских потерь накануне? А конины непосредственно в «котле» уже не осталось, приходится посылать людей искать и потрошить дохлых коняшек вдоль дороги, с риском для жизни. При этом те лошади частично уже поедены, тут не только вороны с прочими хищными птицами, но и волки да рыси водятся...

– А наша авиация? – спросил я.

– А что наша авиация? Они, конечно, каждый день летают, если погода позволяет, только, судя по тому, где и как они летают, им сверху ни хрена не видно, ни нас, ни белофиннов. Да еще и ночами наши тяжелые ТБ-3 куда-то на запад все время на большой высоте ползают, уж не знаю, чего они там могут бомбить – ведь на финской стороне в ближнем тылу, сплошняком лес, озера да несколько хуторов. То есть, конечно, за последние полторы недели наши У-2 и Р-5 сбросили нам шесть мешков с сухарями и консервами. Как говорится, и на том спасибо, только подозреваю, что вдвое больше грузов попало к белофиннам или просто валяется сейчас по тайге, поскольку, как я уже сказал, летчики нас с высоты, похоже, ни фиги не видят и бросают «на кого бог пошлет». А еще им мешают белофинские истребители, которые иногда над нами летают...

– А, скажем, обозначить расположение кострами в ночное время?

– Никак невозможно. Шюцкоры сразу начинают мины кидать. Из-за этого мы на ночь костры гасим, товарищ майор.

– А сигнальные ракеты?

– Их у нас всего с десяток осталось, поровну красных и зеленых. Бережем на самый крайний случай.

– Настроения среди личного состава самые пессимистические, – некстати влез в разговор, не дав мне обдумать услышанное, дисциплинированно молчавший до этого момента замполитрука Бышев: – Уже не в первый раз отбираем у бойцов эти гнусные белогвардейские листки, призывающие сдаваться в плен. И не исключено, что кто-то из тех, кого мы считаем пропавшими, уже воспользовался этими листовками по назначению!

Высказав это излишне литературным языком и с несколько истерической интонацией, Бышев кивнул на стол, где лежал тот самый «пропуск в плен». В ходе этого выступления Гремоздюкин посмотрел на него, как зять на запредельно нелюбимую тещу. Чувствовалось, что и с дисциплиной у них тут хватало проблем. Хотя, возможно, местами они преувеличивали масштабы бедствия. Например, если крупа у них тут все-таки еще оставалась, беспросветной голодухи (до обмороков и «куриной слепоты») в «котле», скорее всего, не было. Ну а с другой стороны, много ли навоюешь на морозе с одной миски сваренной на воде перловки или пшенки?

– Спасибо, товарищ замполитрука, я вас понял, – сказал я на это, добавив: – А вы продолжайте, товарищ замкомвзвода.

– По идее, оказалось, что здесь, в этом самом Куурометсе, не одна, а две дороги, – продолжил Гремоздюкин, водя обломанным ногтем указательного пальца по карте. – До войны здесь была сплошь белофинская территория. Одна дорога известна всем, это Метса-тие, на которой мы с вами сейчас и сидим. И она плотно закупорена. Если вы, товарищ майор, шли сюда через линию боевого соприкосновения, должны были видеть, что на северо-восток дорога

загромождена нашей подбитой и оставленной техникой, плюс несколько устроенных белофиннами завалов, явно усиленных минами.

– Да, – согласился я. – Все верно. Только вдобавок к этому там постоянно маячат еще и патрули противника.

– Вот-вот, товарищ майор. Но есть еще и вторая дорога, параллельно первой, километрах в двух-двух с половиной на запад. Ее белофинны построили явно перед самой войной, и наша разведка этого почему-то не заметила. Именно поэтому данная дорога изображена только на некоторых наших картах, причем обозначена она как просека. Эта вторая дорога, по идее, не блокирована и свободна для проезда, но там шюцкоровцы постоянно устраивают засады. Однако из соседнего «котла» в последние дни постоянно пытаются прорваться по этой, второй дороге в сторону нашей передовой, с целью эвакуации раненых и организации снабжения. При этом от нас опять требуют всемерно поддерживать эти действия. А чем мы их поддержим? Мы сами еле живы, товарищ майор...

Ну, насчет «еле живы» он, положим, несколько лукавил: все-таки сотня бойцов с оружием да пяток легких танков – это не так уж и мало. Но вслух я эту мысль не высказал.

– Понятно, – сказал я вместо этого и, наконец, выложил на стол перед ними оба привезенных с собой фальшивых приказа – подписанный начальником ГАБТУ РККА комдивом Д. Г. Павловым и полковником А. А. Чикиным, о срочном откомандировании ремонтников 13-го АРВБ в распоряжение начальника Ленинградской гарнизонной рембазы и второй, подписанный начштаба Северо-Западного фронта командармом 2-го ранга И. В. Смородиновым, разрешавший всем окруженцам 8-й армии срочно прорываться за линию фронта без тяжелого вооружения, техники и транспорта.

– Вот, ознакомьтесь, товарищи, – предложил я.

Кажется, неграмотных среди собравшихся не оказалось, и они довольно внимательно прочитали оба приказа, передавая листки по очереди друг другу. Когда документы были дочитаны, я аккуратно сложил их вчетверо и убрал обратно в нагрудный карман гимнастерки. Как мне показалось, приказы были восприняты с явным облегчением. Только сержант Смирнов (предполагаемый Кюнст) не выказал никакой видимой реакции – ну этот-то точно все наперед знает!

– И что вы, товарищи, скажете по этому поводу? – поинтересовался я.

– Раз вы теперь нами командуете, товарищ майор, – высказался, как я понял, опять за всех скопом Гремоздюкин, – то наше дело выполнять полученный приказ. Только непонятно, с чего к ремонтникам такое особое внимание и почет?

Тон, которым он это говорил, показался мне довольно обиженным.

– С того, что сейчас на Карельском перешейке готовится главный удар – прорыв «линии Маннергейма». Для этого чинят подбитую в ноябре-декабре технику, в дополнение к которой приходит из тыла и с заводов новая. И для этого очень не хватает людей соответствующей квалификации. Надеюсь, это понятно?

– Понятно, – сказал на это Гремоздюкин и, как бы невзначай скосив глаза на стол, высказался на тему, которая, похоже, так или иначе сегодня волновала всех собравшихся: – Хороший у вас автоматик, товарищ майор. Пару раз издали видел у шюцкоровцев – вроде похоже.

Это он, часом, не на шпионаж столь тонко намекал? Вот сейчас как заорет: «Держи шпиона!» – да схватит меня одной рукой за горло, выхватив другой «наган» из кобуры! И тогда мне точно останется только схватить со стола ППД (благо под рукой лежит) и валить их всех тут скопом, от греха. Я посмотрел на своего собеседника – нет, не станет он глупости делать, не было в его небритой физиономии ни фанатичной подозрительности сексота, ни азарта дешевого следака из плохих криминальных сериалов. Так что, скорее, с его стороны это было всего-навсего праздное любопытство.

– Нет, это наш, конструктора Дегтярева, – поспешил я успокоить излишне любопытного замкомвзвода. – Правда на фронте их еще очень мало. Не поверите – в штабе армии у адъютанта начальника политотдела на ящик армянского коньяка выменял!

– И зачем адъютанту автомат? – невероятно и, как мне показалось, совершенно искренне удивился Бышев.

– Спросите чего-нибудь полегче, товарищ замполитрука! Вы тут вон каждый патрон считаете, а за двадцать километров от фронта некий штабной капитан, без всякой необходимости, разгуливает с новеньким автоматом. А то вы не знаете, что у нас всегда самый красивый и лучше всех оснащенный – служащий при каком-нибудь складе тыловик или штабная штафирка!

Бышев смолчал, не найдя, что ответить. Похоже, вследствие молодости лет и неправильно-идеалистического воспитания он этой прописной истины еще не усвоил. Да и старорежимное слово «штафирка» могло быть ему незнакомо.

– А коньяк-то у вас откуда? – проявил живую заинтересованность Гремоздюкин, похоже, из чисто спортивного интереса. Они-то тут уж точно успели забыть не только вкус этого напитка, но и само слово «коньяк».

– Так я же в штаб армии из Ленинграда не так просто приехал, а с целой автоколонной, которая подарки от трудящихся города Ленина везла. Героическим воинам.

– И как там сейчас, в Ленинграде? – подала голос военфельдшер Феофилова, тут же уточнив: – У меня там дочка.

– Сколько лет дочке и с кем она? – спросил я, изобразив некоторый интерес к данному вопросу и понимая, что, судя по всему, эта мадам из коренных питерчан, а значит, при разговорах о граде Петра и белых ночах в ее присутствии стоит все время держать ухо востро. Потому что Ленинград начала 1940-х это ну никак не относительно знакомый мне Питер начала XXI века, тем более что в нашем времени само слово «Ленинград» у большинства ассоциируется в основном с творчеством очень удачно прикидывающегося алкашом и матерщинником интеллигентного Сергея Шнурова. Спалюсь на каких-нибудь мелких деталях (ведь, например, такой знакомой всем вещи, как метро, в Ленинграде в это время еще не существовало в природе), это как не фиг делать.

– Пять лет, – охотно рассказала фельдшерица. – Она с бабушкой и дедушкой осталась, с моими родителями, товарищ майор.

– Как вас по имени-отчеству, товарищ старший военфельдшер? – продолжая изображать из себя слугу царю, отца солдатам и мать сержантам.

– Александра Аристарховна.

– Очень приятно, я, если что, Андрей Семенович. Так вот, Александра Аристарховна, в Ленинграде все, в общем, как обычно. Правда я там был не очень долго и покинул его дней пять назад. Конечно, в городе много госпиталей, но войны особо не чувствуется. По крайней мере, рестораны и театры работают. При желании можно хоть на балет, хоть на оперетту сходить.

– Хорошо им там, – сказала военфельдшер со смертной тоской влипшего в дерьмо по самое не могу человека в голосе. Наверное, именно так выражается тот, кто неожиданно провалился по самый подбородок в выгребную яму зловонного сельского туалета типа «сортир», без шансов на скорое спасение.

– И не говорите. Как правило, хорошо именно там, где нас, к сожалению, нет. Так что же будем делать, товарищи, в связи с полученными приказами?

– Решать, конечно, вам, товарищ майор. Но, по-моему, все-таки надо снарядить танк или броневик и съездить к соседям, – предложил Гремоздюкин.

То есть стереотипы насчет подчиненности и субординации здесь, как я и предполагал, вполне себе работали.

– Зачем? – спросил я.

– Наши покойные командиры именно так бы и сделали. Раз есть конкретный приказ и если будем прорываться вместе с ними, так сказать, всем скопом, шансов точно больше. Покойные товарищи командиры уже прикидывали разные варианты, вы не думайте, товарищ майор. Тут до наших передовых линий, которые должны быть где-то в районе довоенной границы, если строго вдоль дороги, километров десять, если по прямой. Но там нас точно ждут белофинны, чуть ли не за каждым деревом. Если строго на восток или юго-восток, до берега Ладоги, выходит ближе, километров восемь. Но туда идти лесом, по которому даже танки не пройдут.

Замкомвзвода несколько удивил меня неплохим знанием местности и обстановки. Хотя чего я удивляюсь, если он во время пребывания в окружении, к примеру, сидел где-нибудь в уголке на всех «военных советах», которые проводили ныне превратившиеся в покойников командиры, внимательно слушал и мотал на ус? Хотя мотать-то он мотал, а вот предложить что-нибудь свое и оригинальное он, как и остальные мои собеседники, вряд ли был способен, не то у них воспитание.

– Это точно, – отозвался между тем технически подкованный Воздвиженский. Он встал с табуретки и засунул за открытую заслонку помаленьку топившейся в углу фургона «буржуйки» несколько поленьев. – Тут толщина стволов деревьев местами такая, что их Т-26 лобовой броней точно не свалит, – продолжил он, вернувшись на место. – Не говоря уже про Т-37. Да и снег глубокий, а земля под ним отнюдь не ровная – вне дорог наши танки еле-еле двигаются.

– Вот-вот, – продолжил явно слишком хорошо осведомленный о возможных планах своего погибшего начальства Гремоздюкин: – Товарищи командиры вполне допускали, что по берегу Ладожского озера сплошной линии фронта может не быть. Но даже если свое гражданское население белофинны и вывезли, там хватает хуторов и прочих рыбацких поселений, где в тепле и уюте сидят шюцкоровские секреты. Если пойти в ту сторону пехом и с одним стрелковым оружием, они нас быстро засекут и перебьют половину наших людей до того, как мы успеем их обнаружить. Опять-таки, где именно на озере находятся наши и какая толщина льда на Ладоге, мы не знаем. Так что тут и без белофиннов можно запросто потонуть прямо у самого берега. И выходит, что, как считали наши командиры, царствие им небесное, если прорываться – то лучше по дороге, с танками и минимумом грузовиков, бросив неисправные колесные машины и большую часть имущества. Но ведь никакого приказа на прорыв до сегодняшнего дня не было...

Было видно, как Бышев при упоминании Гремоздюкиным царствия небесного как-то особенно неодобрительно посмотрел на него.

– То есть вы, товарищи дорогие, считаете, что надо договориться о взаимодействии с командирами из соседнего «котла», чтобы пойти на прорыв совместно, более крупными силами?

– Да, товарищ майор.

– Хорошо, с этим я, в принципе, согласен. Хотя и почти стопроцентно уверен в том, что командиры ваших соседей начнут не готовить немедленный прорыв, а требовать подтверждений этого приказа из штаба 8-й армии. Тем более что у них, по вашим же словам, какие-то свои, «гениальные» планы насчет прорыва. Ну а при отвратительной, как вы говорите, связи ждать этого подтверждения они будут до китайской Пасхи. А в вашей кислой ситуации любой день может стать последним. Так когда поедem на переговоры?

– Сейчас темнеет рано, поэтому сегодня рисковать уже не стоит, – здраво оценил наши шансы Гремоздюкин. – Лучше завтра на рассвете.

– Добро, – сказал я на это и, вдруг, вспомнив о своих наручных часах, спросил: – Кстати, а сколько сейчас времени?

– Так у вас же часы на руке, товарищ майор?! – не понял Гремоздюкин.

– Было ощущение, что мои могли остановиться или отстать. Давно не проверял. А для порядка нам стоит сверить часы. На моих сейчас 16:39.

– Все верно, – сказал сержант Смирнов, небрежно глянувший на свои наручные часы. По идее, они ему, наверное, были не очень нужны, небось у него непосредственно в голове таймер тикал.

– Правильно они у вас идут, – подтвердил и Гремоздюкин, достав откуда-то из внутренних своей гимнастерки луковицу карманных часов на золотистой цепочке, – плюс-минус минута, товарищ майор.

– Это хорошо. Тогда у меня к вам еще такой вопрос.

С этими словами я встал с места и полез в карман шинели, вынув оттуда подобранные на снегу, во время стихийной придорожной перестрелки, гильзы.

– Что это? – спросил я, выкладывая гильзы на стол.

– Ну, гильзы, товарищ, майор, – сказал Гремоздюкин и тут же уточнил: – От винтовки!

Сегодня он был прямо-таки «капитан Очевидность». Остальные собравшиеся не стали брать гильзы в руки, ограничившись их разглядыванием с приличного расстояния.

– Спасибо! Я и сам способен понять, что это гильзы и что от винтовки! А что на них за буквы – вы видите?

– А что на них за буквы? – выказал страшное удивление Воздвиженский. Только после этого собравшиеся наконец соизволили поднять гильзы со стола и осмотреть их донца. Посмотрели, но, что характерно, ничему не удивились.

– Ну, гильзы эти явно не наши, и буквы на них тоже не нашенские! – выразил, по-видимому, общую мысль замполитрука Бышев. Еще один хренов «лейтенант Очевидность» на мою голову!

– И это все, что вы можете сказать? Обратите внимание – буквы на клеймах английские!

– И что? – явно не понял сей тонкости Гремоздюкин.

– А то, товарищ замкомвзвода, что у белофиннов винтовки вообще-то отнюдь не английские, а либо свои, либо германские. И патроны у их винтовок совершенно не такие. Вам что – не приходилось такое раньше видеть?

– Да откуда, товарищ майор? – ответил несколько раздраженный Гремоздюкин, как я понял, снова говоря за всех присутствующих. – Мы же в иностранных языках не очень. Нам что французский, что английский, что немецкий, что финский – один хрен. Да к тому же в нашем положении не хватало еще и гильзы собирать! А тем более чужие.

– А вот это вы зря, товарищи дорогие. На некоторые вещи все-таки стоит обращать внимание. А невнимательность порой дорого обходится на любой войне. Тогда у меня еще вопрос к вам. Когда я сюда шел, видел на дороге наши подбитые танки. Специально подходил к ним, смотрел. В них аккуратные сквозные дырки от чего-то бронебойного. Вы только что говорили, что никакой артиллерии у белофиннов нет. И тут я готов с вами согласиться, поскольку те дырки действительно не тянут на стандартный калибр противотанковых пушек 37-мм или 47-мм. Размер пробоин явно меньше 20-мм. А раз так – что это, по-вашему, означает?

Задумались. Все. Даже фельдшерница Феофилова, которая явно понимала в противотанковом вооружении не больше, чем в теории струн.

– А мы откуда знаем? – наконец выразил общее мнение Гремоздюкин.

– Плохо, что не знаете! А это, между прочим, означает, что белофинны используют здесь какие-то тяжелые противотанковые ружья. Калибром миллиметров 14 или около того. И это тоже английский калибр!

После этой моей фразы все собравшиеся насторожились.

– Чего молчите, орлы? Ну хоть что-нибудь подозрительное вокруг происходило? Наприме-
р, разговоры по-английски, хоть по радио, хоть так?

– Да не знаем мы английского, товарищ майор! А как белофинны по-своему балакают – вообще слушать страшно. Как они себе язык не вывихнули... То есть вы хотите сказать, что против нас англичане?

– Ой. Как же тут у вас все запущено! Да ничего я не хочу сказать, но я ничего и не исключаю! Тут, как я понял, вообще может быть все что угодно!

Товарищи младшие командиры опять задумались. Видимо, над тем, что из двух вариантов хуже для них – белофинны или инглишмены. Как по мне – разница была невелика. Не все ли равно, разница, кто тебе пулю между глаз влепит и где именно та пуля сделана? География в этом деле не главное.

– Что они наши танки легко пробивают – это да, – сказал наконец Воздвиженский. – Вот только чем именно – мы так и не разобрались. А ведь противотанковых орудий мы у них действительно не видели! Спасибо вам, товарищ майор, объяснили!

– Чего объяснил-то?

– Ну насчет противотанковых ружей...

– А сами почему не догадались? Или вам головы даны исключительно для приема пищи? Младший командный состав мрачно насупился.

– А что касается подозрительного, – продолжил Воздвиженский. – Четыре дня назад, когда наши из соседнего «котла» в очередной раз пытались пробиться по второй дороге, мы туда посылали саперов на разведку. Пытались осмотреть дорогу на предмет минной опасности и оценить, какими силами белофинны нападут, если нападут.

– Напали?

– Естественно...

– Сколько человек ходило и кто именно?

– Ходили четверо, старшим командир отделения Шаблей и с ним трое бойцов. Живыми вернулись двое – красноармейцы Ебылханов и Натанзон.

– Что-нибудь интересное уцелевшие рассказали?

– Да, рассказали. Так вот, товарищ майор, мин они там не встретили. Но при этом почему-то болтают какую-то ерунду – якобы со стороны белофиннов у дороги вдруг появился какой-то странный танк, который сразу же подбил на дороге две наших «бэтэшки» и тем самым сорвал попытку прорыва.

– Это дьявольски интересно. Эти Ебылханов и Натанзон живы? Позвать их сюда можно? Прямо сейчас?

– Да. Почему нет.

– Тогда зовите уже, чего ждете.

После недолгих препирательств между товарищами младшими командирами, в стиле «а чего я?», за разведчиками пошел Бышев. Видимо, как самый молодой и бесполезный со стратегической точки зрения.

Минут через десять дверь фургона открылась, и замполитрука впихнул внутрь с мороза двух небритых бойцов небольшого роста, в замороженных кирзовых сапогах не по сезону, буденовках и грязноватых шинелях со скрещенными саперными топорами на черных петлицах. Оба были с винтовками и патронными подсумками на поясах, но без вещмешков. У одного к поясному ремню был дополнительно приторочен котелок, у второго – малая саперная лопата и каска.

Первый красноармеец был заметно монголоидного облика, и образовавшиеся от многодневной небритости усишки и жидкая бородавка придавали ему сходство со злобным татаро-монголом времен Батыева нашествия, в том виде, как их обычно представляют в наших детских книжках и мультфильмах. С таким личиком, наверное, самое то хавать конину и прочий, как выражаются в наши времена, халяль.

У второго, совсем молодого, горбоносого бойца со слегка выпученными глазами щетина росла весьма скудно, от чего его лицо более всего напоминало кактус на подоконнике. В принципе, уже по внешнему облику вошедших можно было без всяких расспросов достаточно легко определить кто из них Натанзон, а кто Ебылханов.

– Это, товарищи, майор Ухватов из штаба армии, – представил меня подобным образом (видимо, для пушей солидности) Гремоздюкин. – Он сегодня принял командование над нами!

– Здры-сь, – простуженно поприветствовала меня «сладкая парочка» саперов.

– Садитесь, товарищи бойцы, – предложил я им и, едва они, поставив винтари в угол, присели на табуретки, приказал: – Ну, докладывайте.

– Чо докылыдыть? – с места в карьер прикинулся дурачком монголоидный Ебылханов.

– А откуда вы родом, товарищ боец? – сразу же спросил я на всякий случай, изобразив душевную заботу о личном составе, поскольку в отношении него у меня возникли кое-какие смутные подозрения.

– Саитбабаево, Шкабыр АССР, – охотно ответил тот.

Ага, типа землячок, стало быть. Ну это как раз было нетрудно понять, поскольку из него эта самая шкабырская хитрожопость так и перла. Так что медведь бурзянский тебе земляк, дорогуша...

– Тогда с вами все ясно, товарищ, – сказал я и тут же уточнил: – А конкретно – то, что вы четыре дня назад у дороги видели, то и докладывайте!

– Стрелял там много, пах-пах, ала берса, – сказал тот же Ебылханов с заметным испугом (мою реплику насчет «все ясно» он явно недопонял, и личико у него стало такое, словно он этой самой мерзлой конины уже вкусил, причем много и в сыром виде) и тут же добавил: – А еще мы танка видел!

– Что за «танка»?! Потрудитесь выражаться яснее!

– Танка как танка, – пожал плечами Ебылханов. Похоже, с ним действительно было бесполезно разговаривать. Опыт моей региональной журналистики из будущего показывал, что такие, как он, пеньки без обещания какого-либо вознаграждения (или хотя бы посулов насчет «пропечатать его портрет в район газетлар»), беседуют с любым чужаком «не из нашего аула» не слишком охотно, одновременно достаточно высокохудожественно изображая практически «по Станиславскому» не знающих русского языка тупых колхозников. Это у них, похоже, во все времена, такая национальная особенность...

– Очень странный танк, – влез с уточняющей репликой второй красноармеец, тот, который Натанзон, и все присутствующие, словно по команде, разом обернулись на него.

Я тоже внимательно оглядел его. Прелесть был этот Натанзон – осмысленный взгляд, длинный шнобель, из-под козырька сдвинутой на затылок великоватой буденовки курчавились на лоб черные, быстро вспотевшие в тепле волосы. Как он, такой красивый, вообще попал в РККА и за каким хреном? Да еще и именно в саперы? Хотя, по идее, тогда в Красную армию брали всех без разбору, от поволжских немцев до гагаузов и прочих якутов – равноправие как-никак. Только не дай бог такому вот Натанзону в плен попасть, что к финнам (в мои, лживо-политкорректные времена они, конечно, говорят, что всегда были белыми и пушистыми, но понастроенные сынами Суоми в советской Карелии в 1941—1942-х концлагеря были ничем не хуже гитлеровских), что к венграм с румынами, что к немцам, ни на этой войне, ни, тем более на следующей, которая случится через полтора года...

– Чего же в нем было странного, товарищ боец? – уточнил я.

– Понимаете, товарищ майор, как бы вам полегче объяснить... Нам же никто не говорил, что у белофиннов вообще есть танки. Нас в тот день послали искать мины на дороге, не дав для этого ничего, кроме шупов. И сказали, что скоро там должны пойти наши танки. Ну, мы вылезли на ту самую дорогу из леса и, хоть и не сразу, заметили, что за деревьями уже таки стоит танк с повернутой на дорогу башней. Сначала мы, естественно, подумали, что это наш

танк, который послали туда для разведки или прикрытия. Но потом, когда на дороге действительно появились наши танки, из этого танка принялись бить по ним из пушки. А потом кругом пошла такая стрельба, да еще и чуть ли не из-за каждого дерева, что нам пришлось срочно уносить ноги. Шаблий и Юшкин не успели залечь и спрятаться, и их убило!

– Стоп, товарищ боец, для начала давайте без лирики и без истерик! Так что, на ваш взгляд, было странного в этом танке?

– Ну... Во-первых, товарищ майор, я таких никогда не видел, даже на картинках. Он был солидный такой, крупнее наших танков и очень тщательно покрашен в белый цвет, прямо-таки со снегом сливался. Пушка тонкая и длинная. А во-вторых, у наших танков Т-26 или БТ на борту, там, где ходовая часть, всегда ясно видно катки, гусеничные траки и прочее, а у этого танка борта, где должны были быть гусеницы, почему-то гладкие.

– То есть?

– Катков-таки не было видно.

– Как это?

– Так я же вам и говорю, товарищ майор, гладкие борта, только с самого верха в них были какие-то широкие то ли щели, то ли амбразуры. Но и за ними ничего толком было не разглядеть, только снег да гладкая поверхность. Но при этом, если посмотреть спереди, было видно, что гусеницы у этого танка все-таки есть.

– Почему вы так решили?

– Потому что впереди траки в виде прямоугольных пластин с дырками было все-таки видно.

– Хорошо. И что, интересно знать, этот танк там делал?

– И вы меня об этом спрашиваете? Когда мы на четвереньках вылезали на дорогу, я сказал Семену, то есть, извините, товарищ майор, товарищу Шаблю, что нас тут всех непременно убьют, потому что в наших шинелях нас на снегу было видно за километр, а отбиться или быстро убежать без лыж мы не сможем. Товарищ Шаблий тогда ответил мне, чтобы я заткнулся и выполнял приказание. Тогда мы стали тыкать щупами в колеях, хотя и так было видно, что никаких мин там нет. Их же незаметно в мерзлую землю или в снег не закопаешь. Вот тут я и увидел этот танк. Сначала он просто так стоял с повернутой в сторону дороги башней, может, просто в снегу, может, в неглубоком окопе. От дороги до него было меньше ста метров. Потом, когда появились наши танки, началась стрельба и мы стали убежать, я успел заметить, что этот танк стрелял еще и из пулемета – спереди на его башне рядом с пушкой мигала вспышка. И еще, по-моему, поскольку вокруг танка в этот момент стало много сизого дыма, у него работал мотор, и этот танк медленно отъезжал задним ходом. Извините, но больше я ничего не рассмотрел. Пока шла стрельба, нам пришлось долго лежать за деревьями, не поднимая головы. А когда стрельба закончилась, танка на прежнем месте уже не было. Снег с тех пор почти не шел, так что место, где он стоял, и колеи от его гусениц должно быть видно и сейчас.

– Спасибо за внимательность. Кстати, а вы откуда родом, товарищ Натанзон?

– Новые Беляры, товарищ майор. Это под Одессой.

– В армию как попали?

– Да как все. Призвали.

– Давно?

– В октябре, а что?

Ну, в принципе, вполне понятная история. Небось, сын какого-нибудь сельского портного или сапожника, ясно, что не студент и не городской житель. А раз так – вряд ли у него было желание и возможность как-то отмазаться от объявленного во время «Освободительного похода» в Польшу массового призыва в РККА. Тем более, по понятиям тех времен, служба

в Красной армии сулила сплошные плюсы – как-никак там кормят, поят, плюс обмундирование, сапоги хромовые и прочее.

– Да ничего, что-нибудь еще можете добавить?

– В общем, наверное, нет. Разве что на том танке не было ни номеров, ни каких-то эмблем. По крайней мере, я ничего такого не заметил.

– Спасибо вам, товарищ Натанзон, за бдительность и наблюдательность! Благодарю за службу!

– Служу трудовому народу! – неожиданно ответил Натанзон, вполне по уставному, встав и приложив ладонь к буденовке. Гремоздюкин и остальные посмотрели на него с немим одобрением. Вот, дескать, какие шикарные кадры воспитываем!

– Свободны, товарищи бойцы! – сказал я этому бесстрашному еврею и сопровождавшему его шкабырскому малайке, давая понять, что разговор окончен. – О нашей беседе никому не рассказывать! Это очень важные и секретные сведения! Если еще понадобится – вызову!

Пока оба отважных сапера вставали, брали свои винтовки и неохотно вылезали из теплого фургона наружу, я лихорадочно соображал, понимая, что, по идее, похожий на описание героического Натанзона танк тогда действительно существовал в природе.

Был он английским (снова получалось какое-то нехорошее совпадение страны-производителя и у винтовки, из которой в меня палили накануне, и у противотанковых ружей, и у этого танка!) и назывался этот танк А12, или «Матильда II». Что я про него помню? Действительно, машина заметно крупнее наших тогдашних легких танков, но мельче среднего Т-28, по «весовой категории» близкая скорее к еще не появившемуся Т-34 (масса под 27 тонн), экипаж четыре человека, вооружение – 42-мм (она же двухфунтовая) пушка, стрелявшая исключительно бронебойными снарядами, плюс пулемет. Броня и вовсе на уровне наших тяжелых КВ – лоб и башня толщиной больше 70 мм, борта около 70 мм, плюс те самые, столь удивившие любознательного Натанзона 25 мм, прикрывавшие ходовую часть фальшборта до самой земли.

То есть, по тем временам, до появления длинноствольных 75-мм и 76-мм противотанковых пушек и подкалиберных снарядов к ним, это был практически непробиваемый танк. Немцы позже, и в Северной Африке и у нас, на Восточном фронте, такие машины только из 88-мм зениток или 105-мм гаубиц кое-как подбивали, остальное от толстокожей «Мотыки» отскакивало, как горох от стенки. Единственный минус – танк «пехотный», скорость маленькая, всего 24 км/ч, если по дороге, ну и подвижность по пересеченной местности тоже так себе.

Тут куда интереснее другое. Допустим, нам, в СССР, их с конца 1941 года по ленд-лизу поставляли, про это многие если не знают, то, по крайней мере, что-то слышали. Но сейчас-то на дворе вокруг меня январь 1940 года, и У. Черчилль пока еще даже не премьер-министр, а в Англии рулят злейшие враги большевиков вроде Чемберлена, а вовсе не «вынужденные союзники». И, если я все правильно помню, к весне 1940 г. у англичан в их экспедиционном корпусе во Франции не насчитывалось и полусотни таких, считавшихся новейшими, «Матильд-II». С чего, спрашивается, такая честь финнам, в архетип тогдашней армии которых любые танки категорически не вписывались? По широко растиражированной западной пропагандой понятиям конца 1930-х гг. финский солдат – это или этакий «бравый спортсмен», на лыжах и с винтовкой, который носится по лесам и отстреливает коммуняк из-за кустов, либо «кремень-хлопец», сидящий в железобетонном доте и косящий из пулемета наступающие (строевым шагом по глубокому снегу?!) пехотные колонны или густые цепи «Советов» до последнего издыхания, то есть вплоть до момента, пока его не сожгут или не взорвут вместе с тем самым дотом. У маршала Маннергейма тогда и было-то всего несколько десятков шеститонных «Виккерсов» (аналог нашего Т-26) да совсем древних Рено FT-17 времен прошлой Мировой войны. В этой северной стране первые нормальные танки появились как раз после Зимней войны – и самое смешное, что это были наши, трофейные машины.

А если глазастый Натанзон действительно увидел именно такой танк и ему не померещилось от испуга или с голодухи, спрашивается – чего это новый и секретный по тем временам, только что запущенный в производство английский танк делает в этой весьма далекой от направлений главных ударов финской дыре? На кой ляд он тут вообще нужен? Допустим, закопанный по башню на «линии Маннергейма», такой танк был бы куда полезнее, хотя в ходе прорыва сей линии его очень быстро превратили бы в хлам; там и от дотов стоимостью в миллионы финских марок оставались груды щебенки пополам с арматурой после расстрела прямой наводкой «карельскими скульпторами» (то есть артиллерией калибра 152—305-мм), попадания крупных авиабомб или подрыва на крыше пары-тройки центнеров взрывчатки...

Тогда что все это значит? Испытания потенциальных боевых возможностей новейшего танка конкретно против бронетанковой техники потенциального противника в экстремальных условиях севера? Допустим, от военных всегда можно ожидать чего угодно, а в особенности – от британских (понятие «британский военный» вообще сродни «британскому ученому»). Может, решили вдруг провести подобные «комплексные» испытания (параллельно с опробованием в зимних условиях ПТР и стрелкового оружия)? В принципе, логично – ведь они же как раз готовились к отправке в Финляндию своего экспедиционного корпуса. Если кто не помнит – те англо-французские войска (куда до кучи включили еще и горную бригаду из недобитых немцами поляков), которые весной 1940 года приплыли в Норвегию, изначально предназначались для борьбы отнюдь не против немцев. Просто они, как обычно, опоздали. Прозаседались, исписали излишне много бумажек, слишком долго шили теплые белье, не смогли договориться со шведами и норвежцами о «транзите» и прочее, а в итоге были готовы поднимать якоря лишь в апреле, и это при том, что Зимняя война закончилась 13 марта 1940 г.! Впрочем, подготовились они все равно плохо, поскольку и Норвежская кампания была все равно необратимо просрана ими. Как, впрочем, и все остальное, что британцы делали в начале Второй мировой, от Дюнкера до Сингапура.

В принципе, подобные испытания вполне могли иметь место, а мы там у себя, в будущем, ничего не знаем о них только потому, что их тогда никто просто не заметил – ну кого заинтересует один танк и десяток ПТР в масштабах шедшей тогда войны, когда на этом участке фронта погибали целые бригады и дивизии? При таком раскладе англичане со своей «Матильдой» – это просто тьфу и растереть.

Куда интереснее другое – как они умудрились доставить «Матильду» в эту глушь? Не своим же ходом гнали? Танк довольно тяжелый, тихоходный, с маленьким запасом хода и неважной проходимостью. Тогда, выходит, все-таки привезли на железнодорожной платформе, скажем, из какого-нибудь порта? Спрашивается – а где у финнов в те времена была ближайшая от этого места железная дорога? Вот тут в моих знаниях обозначился пробел, поскольку самые старые карты Финляндии и Карелии, с которыми я имел дело накануне попадания сюда, относились к началу 1950-х гг., и по ним выходило, что от ближайшей железнодорожной ветки, Иматра-Савонлинна, до этих лесов и озер было где-то с полсотни километров. Но я точно не знал, существовал ли в природе этот участок железной дороги в 1940 году? Мало ли – может, его уже потом построили?

Так что на вопрос, зачем здесь нужен этот танк, еще можно было ответить. А вот для того, чтобы ответить на другие связанные с этим эпизодом вопросы, типа «как?» и «сколько?», следовало кое-что проверить. Если наш дорогой сапер не наврал – выходил довольно интересный исторический казус. Получается, англичане тогда влезли в Зимнюю войну даже глубже, чем у нас, обычно принято думать?

И еще – наличие на фронте конкретно против странной, собранной из кого попало части, командование которой я сегодня вынужденно принял, этой самой «Матильды» автоматически создавало нешуточные проблемы. Любую потенциальную опасность надо устранять, но, спрашивается, – как именно? Из 45-мм танковой пушки эту «леди» точно не возьмешь, 76-

мм «полковушкой», даже если для нее есть бронебойные снаряды (что маловероятно для этой войны) – тоже. Гранат у них, как сами признались, – нет, ни противотанковых, никаких. Выходит, что единственный реальный вариант – подобраться к «Матильде» сзади с бутылкой бензина, в стиле 28 панфиловцев, которые пока еще явно ни сном ни духом о своем предстоящем героизме? Ну да, так они к себе поджигателя и подпустят, даже учитывая, что мы в лесу... И вообще, если честно, если бы у здешних финнов было чуть больше ума (или если бы хозяева танка, то есть англичане, подчинялись им), они, пустив в атаку на местный «вагенбург» эту единственную, «Матильду» при поддержке пары взводов автоматчиков, могли бы ликвидировать этот «котел» за час. Почему они этого до сих пор не сделали – отдельный вопрос. Небось, как обычно, у каждого свой штаб, свои генералы, свои резоны и свои приказы. А вероятнее, что все еще проще. У тогдашних финнов (нынешние, по-моему, в этом смысле несколько не изменились) с их психологией мелких побирушек наверняка не было никакого желания портить дорогостоящее оружие, транспорт и боевую технику. Поэтому им куда выгоднее было ждать, пока зажатые в «котлах» «красные» сами передохнут от голода и холода или плюнут на присягу и сдадутся, после чего можно с чистой совестью собирать, подсчитывать и ремонтировать доставшиеся трофеи. Именно так наши соседи из-за северной межи в ту войну и поступали, без труда набрав для своих ВВС десятка три вполне исправных советских самолетов, а наших трофейных танков им тогда хватило на формирование целой бригады.

Когда саперы вышли из фургона, я встал из-за стола и начал надевать шинель. Потом достал из вещмешка маскхалат, развернул его и натянул поверх шинели. Товарищи младшие командиры молча смотрели на эти мои манипуляции. По крайней мере, я сначала подумал именно так. Однако уже спустя минуту я понял – вовсе не на меня они таращатся, а на пачки идеологически выдержанных папирос «Перекоп», которые увидели в моем мешке.

– Курите, товарищи, – тут же предложил я им, выложив на стол одну пачку папирос. Сразу же возникло радостное оживление, и, пока я подпоясывался, надевал на шею бинокль и завязывал мешок, младший комсостав быстро и энергично (и, как я успел понять – вполне себе по справедливости) делил папиросы. Несколько штук взяла даже военфельдшер Феофилова. Хотя, что тут удивительного – до драконовских запретов на курение и страшных картинок на сигаретных пачках было еще ой как долго.

– Значится так, товарищи, – сказал я, надев ушанку и поднимая со стола ППД. – На этом наш «военный совет» я считаю законченным. Если хотите, можете сочинить задним числом какую-нибудь официальную бумагу о том, что с такого-то числа и часа я принял командование вашим «сводным отрядом». Разумеется, я все подпишу. Или нет желающих?

После этих слов я внимательно посмотрел на них. Нет, вроде бы среди них не было фанатичных писарчуков-канцеляристов. Видимо, здесь правильно понимали насчет того, что любая писанина в условиях, когда чернила замерзают на хрен, а любая бумага идет исключительно на раскурку или в нужник, представляется исключительно вредной вещью. Похоже, они правильно рассудили, что сначала все-таки надо выбраться из этого дерьма живыми, а уж потом придумывать отмазки и оправдания.

– Нет, писать мы ничего не будем, товарищ майор, – сказал за всех Гремоздюкин. – Это пусть потом, когда все это кончится, штабные балансы сводят.

– Вот и ладушки, – не стал спорить я. – Да, кроме курева, у меня в мешке есть немного сухарей и сала. Понимаю, что на почти две сотни ртов это ничто, но если кто-то особо сильно нуждается, можем немного подкормить. Я имею в виду прежде всего раненых. Но это уж пусть товарищ военфельдшер определяет.

– Так точно, – кивнула Феофилова.

Я надел мешок на плечи. По идее, можно было и оставить его в фургоне, но кто же знает, что здесь будет, скажем, через час? Еще со времен Наполеона Бонапарта известно, что на войне ситуация меняется с каждой минутой. Так что нельзя исключать, что сало из моего НЗ какой-

нибудь белофинн может тоненькими ломтиками на бутерброд порезать. При мне содержимое мешка будет явно целее.

– Остальным приказы будут такие, – выдал я еще несколько ценных, начальственных указаний. – Во-первых, нужно подготовить технику, на которой мы завтра поедем к соседям договариваться о взаимодействии. Прикиньте, на чем нам предстоит передвигаться и кто конкретно будет участвовать в этом, с позволения сказать, мероприятии. Это касается прежде всего товарища Воздвиженского.

Услышав свою фамилию, означенный младший командир согласно кивнул.

– Во-вторых, – продолжил я. – Как можно скорее оцените, как мы сможем прорываться и какими силами. Сами. В том случае, если командиры наших «соседей» откажутся идти вместе с нами на прорыв. И самый главный вопрос – сколько боевых и транспортных машин мы сможем реально использовать и сколько наших людей сейчас может реально держать оружие? А то у меня такое чувство, что стрелять и идти пешком смогут далеко не все, раз уж у нас был разговор о легкораненых, простуженных и обмороженных. Это понятно?

– Да, вполне, – отозвался Гремоздюкин.

– Хорошо, тогда выполняйте. А я, для начала, пойду с сержантом Смирновым. Хочу посмотреть, что у них там действительно за ремонтники такие, на которых вышестоящее командование отдельные приказы выписывает. Ну а потом я все-таки хочу попробовать сходить посмотреть на место, где саперы якобы видели этот странный танк.

Надвинув шапку на уши, я перекинул ремень тяжелого автомата через плечо, давая всем понять, что на сегодня приказов точно хватит. Товарищи младшие командиры поняли все правильно и полезли из фургона наружу. Крайними, следом за товарищем старшим военфельдшером, на мороз вылезли мы с недоверчивым Смирновым.

Снаружи был довольно сумрачный зимний день (лес все-таки давал о себе знать) и все тот же, неизменно пугающий городского человека пейзаж – хвойные деревья со стоящими между ними автомашинами. Из труб над будками фургонов по-прежнему тянулся жидкий дымок. У костров кучковалось несколько красноармейцев.

– Бдыщ! – неожиданно раздалось где-то в отдалении (по-моему, в направлении расположения здешнего «боевого охранения»). Эхо от выстрела ударило по ушам и заметалось между елок. Практически без паузы, в том же направлении, в стиле старых фильмов о штурме Зимнего, беспорядочно забахали винтовочные выстрелы, а потом, с места в карьер, зашелся короткой очередью простуженный «максим». Блин, да что за хрень заваривается?! Однако, прежде чем я открыл рот, успев сделать несколько шагов по снегу в сторону от фургона, где проходил стихийный «Совет в Филях», в вышине, над заснеженными кронами деревьев, послышался множественный, противный, буравящий душу похуже царапанья железкой по стеклу свист. А вот это уже было куда серьезнее, чем какая-то там винтовочная и пулеметная пальба. Минометы, к гадалке не ходи!

Похоже, услышали и мгновенно просекли ситуацию и все остальные, чай не дураки, не в первый раз под обстрелом. Впрочем, следующие несколько секунд показались мне длинными, словно при замедленном просмотре. Мы все в напряженных позах стоим возле фургона и вертим головами по сторонам, тщетно силясь определить, откуда именно по нам прилетит. Я, несмотря на некоторый собственный опыт прибывания на Второй мировой войне, под артиллерийский или минометный огонь практически не попадал (опять-таки, когда сидишь за танковой броней, любые осколки столь страшными не кажутся) и поэтому несколько занервничал, вовсе не желая, чтобы мина вцепилась мне прямо в зад, как выразился А. Твардовский в своей бессмертной поэме. За эти считанные мгновения я, чисто механически, успел заметить, что метрах в десяти от нас стоят, испуганно глядя в нашу сторону, оба давешних сапера, а от костра в нашу сторону как ни в чем не бывало неторопливо идет какой-то рослый боец в шинели и сдвинутой на затылок каске с котелком в руке.

Первая моя мысль была – финны что, точно вычислили расположение штабного фургона и решили разом накрыть весь здешний «актив»? Только интересно, как они в данном случае корректируют огонь (за деревьями же, по идее, ни хрена не видно?)? Да и раций для этой самой корректировки у них быть не может. Или они тут все давно и заранее пристреляли? Впрочем, раньше включился все-таки инстинкт самосохранения.

– Воины! Ложись, мля-а-а! – заорал я, изумившись тому, что не узнал собственного голоса. По-моему, за секунду до того как я это сказал, стоявший рядом со своей «СВТ» в руках Смирнов весьма технично подставил мне подножку, и я повалился лицом вниз, успев схватить левой рукой и потянуть всем своим весом к земле явно замешкавшуюся Феофилову.

Остальной младший комсостав и саперы метнулись врассыпную, и, кажется, залечь успели все, кроме явно заторможенного бойца с котелком.

В ту же секунду свист мин стал просто нестерпимым. Я еще успел увидеть, как поднятые первым взрывом земля (калибр мин был небольшой, небось 80 мм, английский миномет Стокса – Брандта или какая-нибудь его шведская копия, если бы это были «гостинцы» калибром в 120 мм, нас бы порвало на хрен) и снег поднялись рядом с костром, за спиной чудака с котелком, который начал падать только в момент взрыва. По машинам и нашим спинам забарабанили комья мерзлого грунта, а через секунду я вдруг ощутил, как по моей правой щеке течет что-то горячее. Естественно, я дернулся, поскольку первой логично возникла мысль о крови. Поэтому после еще двух или трех следовавших за первым разрывов я ощупал физиономию, потом протер глаза и посмотрел на перчатку. Увиденное слегка успокоило меня. Какая на фиг кровь – меня заляпало жидкой разваренной пшенкой – похоже, взрыв мины придавал котелку того идиота излишнее ускорение.

Обдумать это обстоятельство я не успел, поскольку на проходившей поверх наших голов баллистической траектории снова заревело и засвистело, ударила вторая серия разрывов и в рожу мне вновь полетела земля. Пришлось опять уткнуться в снег и слушать, как рвануло еще раза три, на сей раз уже довольно далеко. А потом, так же неожиданно, как и началось, стало тихо, только продолжали частить мосинские винтовки, в треск которых вплелась короткая очередь «максима».

Почувяв дым и запах горелого, я приподнялся и тут же увидел, что свои мины чертовы финны все-таки потратили не зря. Допустим, в фургон где мы совещались, они не попали, но далеко вокруг разлетелись расщепленные и горящие доски пополам с какими-то железками – одна из мин все-таки ударила в стоявший метрах в пятидесяти справа от нас фургон на шасси «ГАЗ-АА». И попадание было хорошее – шасси и то, что осталось от кабины грузовика, горели, а на снегу рядом с машиной лежала лицом вниз человеческая фигура в горевшем на спине ватнике. Водила или кто-то, нестати гревшийся в фургоне? На снегу прибавилось несколько воронок. Шедший от костра боец, теперь с ног до головы облитый варевом из своего котелка, медленно вставал на ноги (похоже, по закону божьей помощи детям, дуракам и пьяным, его не задело, счастливчик!) и с удивлением разглядывая оставшуюся у него в руке ручку от котелка, простыми русскими словами высказывал все, что он думает о зиме, лесе, минометах, а также белофиннах вообще и маршале Маннергейме в частности. С неопределенными глаголами и междометиями на устах начали подниматься из положения лежа и остальные вываленные в грязном снегу товарищи младшие командиры – сначала на колени или на карачки, потом в рост. Но одна фигура в серой осталась лежать на снегу, широко раскинув руки. По валяющейся рядом с ним винтовке я понял, что смерть достала кого-то из рядового состава.

Поднимаясь, я видел, как с веток ближних елей все еще осыпается потревоженный взрывами мин снег, и слышал, что винтовки в боевом охранении продолжали беспорядочно стрелять. Совсем охренели, суки? Этак они все патроны растратят в белый свет, как в копейку, а с чем мы потом прорываться будем? С голой жопой? Здесь им не тир в парке культуры и отдыха!

– Все живы? – спросил я, встав в полный рост и вытирая снегом остывшую пшенку с лица и ворота маскхалата.

– Вроде да, – отозвался Гремоздюкин, чьи глаза от только что пережитого стали совершенно дикими.

– А это тогда кто? – ехидно спросил я, кивнув в сторону убитого.

В этот момент рядом с, похоже, не нашедшимся, что ответить на сей досадный факт Гремоздюкиным, закашлялась неряшливая фигура в великоватой шинели, в которой я узнал Натанзона.

– Это же Ебылханов, – то ли доложил, то ли интимно сообщил он.

– Жив?

– Да где там. Таки видно, что ему осколком мины полголовы снесло!

Кажется, отхитрожопился сын безмерно древнего народа. Но вслух я сказал вовсе не это, а:

– Раз так – земля пухом (хотя в наше время шкабыры вроде него считают себя потомками доисторической языческой цивилизации с, как минимум, пяти тысячелетней историей, от которой при этом почему-то не осталось даже буковки или паршивого черепка, да еще и с весьма невнятными представлениями о загробной жизни – для них живший каких-то жалких две тысячи лет назад Чингисхан с его исламом просто мелкий чмошник и оккупант)! Бывает...

И вслед за этим я тут же перешел на сугубо организационные темы:

– Блин, товарищ замкомвзвода, вашу растак, что за идиоты там стреляют?! Товарищ Гремоздюкин! А ну-ка пулей в боевое охранение! Выясните, что там за стрельба и в кого?! И, если это просто бессмысленная трата боеприпасов – примерно наказать виновных! Остальных тоже касается! Немедленно уточнить обстановку! Может, нас сейчас атакуют со всех сторон, а мы, как дураки, ни сном ни духом! А вы, товарищ военфельдшер, займитесь учетом потерь!

– Так точно, – отозвалась почему-то оказавшаяся у меня за спиной Феофилова.

Гремоздюкин и Бышев переглянулись и рванули быстрее лани куда-то в сторону боевого охранения. Воздвиженский с Натанзоном и еще несколькими набежавшими из-за машин и заметно охреневшими от неожиданного минометного обстрела красноармейцами, похватав из грузовиков лопаты, начали энергично тушить снегом горящую полуторку. Одновременно откуда-то слева, со стороны санитарного «ГАЗ-55», появились две очень похожие друг на друга (почти как сестры) совсем молоденькие, как мне показалось, девчонки. Маленького росточка, в одинаковых, надвинутых на самые брови буденовках, толстых желтых полушубках с поднятыми воротниками и великоватых валенках, с очень большими для их габаритов санитарными сумками на боку. Судя по скорости, с какой мадам Феофилова рванула к ним навстречу, это были ее непосредственные подчиненные. Вместе они трое живо напомнили мне мамашу, выведшую гулять во двор в сильный мороз своих дочек-близнецов. По идее, не хватало только соплей и хныканья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.